

ДЖЕЙМИ ДЕЙ

СОСЕДСКАЯ ВЕЧЕРИНКА

18+

ХОРОШО ЛИ ВЫ ЗНАЕТЕ СВОИХ СОСЕДЕЙ?

Джейми Дей

Соседская вечеринка

Серия «Объявлено убийство»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70191064
Дей, Джейми. Соседская вечеринка: FCN; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-161065-4

Аннотация

Хорошо ли вы знаете своих соседей?

Жители закрытого элитного района Олтон-роуд живут спокойной жизнью: воспитывают детей, следят за садом и беседуют по душам на уютных домашних посиделках. Но у всего есть последствия...

В ночь ежегодной соседской вечеринки музыку и смех сменяет вой полицейской сирены. Кто-то совершил преступление, и этот кто-то – один из них.

Паутина секретов и тайн опутала каждый дом. Какие же скелеты в шкафах хранят идеальные семьи Олтон-роуд? Под подозрением каждый – но действительность страшнее любых догадок.

Содержание

День памяти, наши дни	5
Глава 1	5
День памяти (наши дни). Страница онлайн-сообщества Мидоубрук.	16
День памяти, год назад	20
Глава 2	20
Глава 3. Летти	32
Глава 4	47
Глава 5. Летти	59
День поминовения (наши дни). Страница онлайн-сообщества Мидоубрук.	69
Лето	71
Глава 6	71
Глава 7. Летти	80
Глава 8	89
Глава 9. Летти	101
Глава 10	114
Глава 11. Летти	127
Глава 12	136
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Джейми Дей

Соседская вечеринка

Jamie Day

The Block Party

© 2023 by J.D. Publications LLC

© Клемешов А., перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Кэтлин – за все, что она сделала, чтобы эта вечеринка состоялась.

День памяти, наши дни

Глава 1

Александра Фокс собиралась пропустить на вечеринке квартала всего пару стаканчиков. Максимум три.

Но как говорится, женщина строит планы – Бог смеется.

Однако Богу не было нужды организовывать эту вечеринку. Это сделала она. Соседский слоган вполне мог звучать так: *«Пойди спроси Алекс, я думаю, она знает»*. По сути, это цитата из песни шестидесятых годов о наркотиках. Отсюда и напиток у нее в руке. Если Алисе из Страны чудес нужны были таблетки, чтобы нормально функционировать, то Алекс из Мидоубрука, штат Массачусетс, для этого требовалось вино.

– Что случилось с синими скатертями? – спросила соседка. Алекс вздрогнула при звуке ее голоса. – Они были такие милые.

Алекс смотрела на красные скатерти так, словно тоже не могла поверить в их ужасающую неэстетичность.

– Согласна на сто процентов, – проговорила она с должным оттенком отвращения. На самом деле, если бы она смогла найти синие в своем подвале, то использовала бы их. Но с большой долей вероятности, она по ошибке выбросила их

несколько месяцев назад. – Верное замечание, – продолжила Алекс. – В следующем году точно про них не забуду.

Она чуть было не послала воздушный поцелуй, чтобы скрепить сделку, но пока не была настолько пьяна. *«Вместо того чтобы указывать на недочеты, – думала она, – эта женщина могла бы помочь разослать восемнадцать приглашений... или приготовить еду, или оборудовать площадку для бадминтона. Но нет – позор красным скатертям!»*

– О, ты обязательно должна попробовать картофельный салат Эмили, – сменила тему Алекс в надежде избавиться от собеседницы. – За него можно убить.

Она обратила внимание соседки на складные столики, уставленные подносами с десертами и мисками с чипсами, на крошки от которых время от времени слетались дерзкие птицы. Мясо шипело на огне.

Соседка ушла, и у Алекс наконец выдалась свободная минутка, когда никто ни о чем ее не просил, и это означало, что она может спокойно прикладываться к своему красному пластиковому стаканчику.

Завтра она снова станет трезвенницей. Бывало и хуже. Это не слишком большая проблема, покуда ей удастся избегать своего мужа Ника, по крайней мере до момента, пока не протрезвеет.

Играющие дети создавали невообразимый гвалт, в то время как их родители общались, собравшись группами или развалившись на пляжных стульях, заполнивших все про-

странство тупиковой улицы. Алекс подавила желание усмехнуться.

«Если бы вы все знали то, что знаю я, – вы бы стремглаз бежали с этой вечеринки и уж точно не играли бы в корнхолл».

Она почувствовала, как кто-то легонько потянул ее сзади за рубашку. Обернувшись, она остановила свой затуманенный взгляд на маленькой девочке, которая жила в четырех домах дальше по Олтон-роуд. Лицо было знакомо, но Алекс ни за что на свете не смогла бы вспомнить имя этого ребенка.

– Хот-доги уже готовы? – поинтересовалась девочка... или девочки? У нее что, двойтса в глазах?

Черт.

Алекс указала на дальний ряд грилей, за которыми стояла шеренга потных папаш.

– Откуда мне знать, готовы ли хот-доги, милая? – ответила она. – Не я же их жарю.

Глаза маленькой девочки широко раскрылись, и Алекс испугалась, что ребенок может разрыдаться. А ведь она не хотела показаться злокой, просто констатировала факт. Этот подход хорошо работал с ее клиентами, когда она выступала посредником в процессе развода, но, очевидно, был менее эффективен с ребенком.

– Пойдем со мной, – произнесла она, придавая голосу больше жизнерадостности.

«Молли. Эту девочку зовут Молли Сандерс. Вот. И не

пьяна я вовсе».

Алекс взяла малышку за руку. Нежная ладонь ребенка, к удивлению, помогала ровно стоять на ногах.

– Мы вместе проверим, как там хот-доги.

От яркого солнечного света на коже Алекс выступили капельки пота.

«Вода. Мне нужна вода».

Хот-доги действительно оказались готовы. В отличие от Алекс. Она сунула руку в детский бассейн и нащупала в ледяной глубине небольшую пластиковую бутылку белого вина, наполнила свой красный стаканчик почти до краев и заодно захватила бутылку воды. Будто это могло хоть как-то помочь.

Алекс не спускала глаз с Ника. Они почти не разговаривали после крупной ссоры, произошедшей два дня назад. По счастливой случайности она выбрала гриль, самый дальний от ротангового тики-бара, стоя за которым Ник Фокс смешивал изысканные коктейли. Он никогда бы не предложил ни один из них Алекс. Хорошо, что именно она утром укомплектовала бар. Ник обещал сделать все сам, но не сделал, предоставив эту работу ей. Посему она считала, что более чем заслужила напиток, в создании которого поучаствовала, и неважно, что еще даже не полдень. Отдельно стоящая конструкция, купленная Ником на блошином рынке несколько лет назад, накренилась набок так, будто вот-вот опрокинется.

Алекс вполне представляла это.

Это последний бокал до вечера, пообещала она себе. «С этого момента только вода и кофе». Она все еще была полностью работоспособна. Она могла поддерживать беседу. Никто ведь не смотрел на нее как-то странно, не так ли?

Сейчас снаружи довольно оживленно, и так будет продолжаться до позднего вечера. Коль уж Алекс расхаживала сама по себе – держась подальше от Ника, разумеется, она могла веселиться со своими соседями сколько душе угодно.

Вечеринка представляла собой контролируемое столпотворение с участием пятнадцати семей (три не явились) и тридцати с чем-то детей. Классический рок звучал из пары динамиков, приобретенных специально для этого ежегодного мероприятия. Повсюду играли в дворовые игры, а лужайка перед внушительным домом Алекс служила площадкой для бадминтона.

Она оглядела дом. Ник, архитектор по профессии, сам спроектировал этот прекрасный особнячок. Но теперь она увидела это жилище таким, каким оно было на самом деле: пустой оболочкой, иллюзией нормальности и безопасности. Если бы эти стены могли говорить – о боже, какими секретами бы они поделились, сколько лжи раскрыли.

Как все могло так сильно измениться за один год?

Со стаканом в руке Алекс отступила в тень ближайшей палатки под навесом, надежно скрывшись от любопытных глаз.

Мгновение спустя в палатку вошел мужчина, которого Алекс не хотела видеть.

Она не знала его настоящего имени, но все в городе называли его Человеком-жуком. Человек-жук был продавцом средств борьбы с вредителями и сам считался местным вредителем. Он был высоким и долговязым, с сутулыми плечами и выпученными глазами, как у мух, которых он уничтожал. Его униформа – полностью зеленый комбинезон и в тон к нему зеленая кепка, украшенная каким-то красочным логотипом с изображением жука, – свидетельствовали о том, что он здесь по работе. Конечно, его не приглашали.

Алекс бросила на него сердитый взгляд.

– Что вы здесь делаете? – спросила она. – Это частная вечеринка.

Человек-жук криво ухмыльнулся.

– Я рекламирую свой новый бизнес. – Он вручил Алекс листовку, от которой она отмахнулась. В любом случае, она не смогла бы ее прочесть, поскольку ее зрение то фокусировалось, то выходило из-под контроля. – Теперь я работаю на себя, – сказал он.

– Неужели? – Тон Алекс оставался холодным.

– Да, я потерял работу после того, как кто-то на этой самой улице несколько раз разместил обо мне неблагоприятные отзывы, – сказал Человек-жук. – Полагаю, моя тактика продаж не понравилась вашим соседям.

– Однажды я уже пользовалась вашими услугами, – отве-

тила Алекс. – Но только после того, как вы запугали меня. Возможно, в этих жалобах есть доля правды.

Человек-жук пожал плечами.

– Я просто объяснял, что после обработки дома вашего соседа вредители, скорее всего, будут искать убежища в вашем доме. Вредителям все равно, кто платит по ипотеке. Они идут туда, где нет яда. Я просто пытался быть полезным.

– В некоторых местах такого рода помощь называют тактикой устрашения, – настаивала Алекс. – Послушайте, вас не приглашали, и я не хочу, чтобы вы преследовали моих соседей: звонили в двери, как будто на улице пожар, пугали людей до полусмерти, обклеивали машины своими листовками или, не добившись своего, били окна.

Человек-жук выглядел возмущенным.

– О чем это вы?! Я травлю жуков! Я не разбиваю окна!

Выражение лица Алекс еще больше ожесточилось.

– Мы оба знаем, что именно вы бросили камень с запиской в окно моего шурина. Если он увидит вас здесь... Вы же помните, что у него есть пистолет? На вашем месте я бы не стала стучать в его дверь.

Алекс не стала дожидаться ответа. Она вышла из палатки с навесом, но не заметила Ника. Они столкнулись с такой силой, что вино из стаканчика Алекс пролилось на ее мужа.

– Господи, Алекс! – воскликнул Ник. Он с отвращением посмотрел на огромное мокрое пятно на своей рубашке поло. – Ты что, пила?!

– Нет, – соврала Алекс, используя все, даже какие-то внешне обнаруженные мышцы, чтобы стоять не покачиваясь.

Ник принюхался.

– Я чувствую алкоголь в твоём дыхании! – рявкнул он. – Боже, Алекс, мы же договаривались!

– Это всего лишь одна вечеринка, Ник, – заметила Алекс. – Успокойся, ладно? Ты мне не *мать*.

– И слава богу, – пробормотал Ник себе под нос.

Алекс старалась не показывать своего раздражения.

– В каком это смысле? – уточнила она.

– В том смысле, что ты говоришь что хочешь, делаешь что хочешь, и к черту последствия. Ты обещала, Алекс, ты *обещала* больше не пить.

– Всего дин день... – невнятно пробормотала Алекс. На случай, если Ник не понял, она продемонстрировала один палец.

Глаза Ника, обычно приятного коричневого оттенка, потемнели до угольного. Он отступил назад, оценивающе разглядывая жену.

Алекс тоже сделала шаг назад, едва удержавшись на своих танкетках и не подвернув лодыжку. Ей не хотелось находиться рядом с ним. Ник упер руки в бока с тем же выражением лица, с каким обычно отчитывал Летти.

– Я просто хорошо провожу время, милый, – сказала Алекс. – Не переживай так, ладно? Организация вечеринки была серьезной работой. И Летти... она скоро уезжает в кол-

ледж, и я все еще очень расстроена из-за нашей ссоры. Могу я просто немного выпустить пар?

– Можешь, но не так, – ответил Ник резким тоном.

Алекс отмахнулась от него. Ей не нужны нотации. Она не хотела, чтобы ее отчитывали. Она взрослая женщина, которая способна сама принимать решения.

– Мне очень не нравится, когда со мной обращаются как с ребенком, – заявила она. – И мне кажется, что вместо поучений я заслуживаю небольшой благодарности от своего чертова мужа... Или ты тоже думаешь, что красные скатерти – дерьмо?

Ник выглядел совершенно сбитым с толку.

– Какое, черт возьми, отношение скатерти имеют к тому, что ты в стельку?!

– Неважно, – сердито бросила Алекс. Она покрутила браслет от Дэвида Юрмана¹, купленный Ником на их двенадцатую годовщину, борясь с желанием сорвать его и швырнуть в мужа. В ситуации было слишком много нюансов, чтобы Ник мог их уловить. В любом случае, она предпочла бы сейчас находиться со своими подружками. Они всегда понимали Алекс гораздо лучше, чем ее собственный муж.

Она сделала еще один шаг назад, но именно он оказался лишним. Нога Алекс зацепилась за бортик детского бассейна, полного воды, льда и напитков. В одну секунду она пятилась назад, а в следующую уже приземлилась на задницу,

¹ Элитный ювелирный бренд.

прямо в воду. Вокруг нее плавали напитки и кубики льда.

Все головы повернулись к ней. Люди перестали разговаривать, устремив взгляды на Алекс.

Она выпрыгнула из бассейна, как будто тот был наэлектризован, торжествуяще подняв руки над головой, делая вид, будто намеренно сделала это.

– Здесь становилось жарко! – крикнула Алекс, обращаясь к зевакам. – Теперь всё в порядке. В прямом и переносном смысле.

«Я нормально выкрутилась», – подумала она.

Последовали негромкие аплодисменты, но они не смогли заглушить перешептываний и взрывов смеха.

Ник схватил ее за руку.

– Какого черта, Алекс? Позорище, – процедил он сквозь зубы. – Возьми себя в руки, ладно? Иди в дом. Проспись, пока не опозорилась еще больше. Летти не должна видеть тебя такой. И, Алекс, что бы ты ни делала... не возвращайся.

Что ж, это было больно.

Алекс удалось сохранить на лице натянутую улыбку, пока она шла домой. Было трудно двигаться в промокших джинсах. Сквозь мокрую рубашку был виден ее живот, но, к счастью, не более того.

– Я в порядке... в порядке, – говорила она всем, кто спрашивал. – Что, в наши дни девушка не имеет права упасть в бассейн?

Оказавшись внутри, Алекс пошла в ванную. Она бросила

свою промокшую одежду в корзину для белья. Она была зла из-за замечаний Ника, но еще больше расстроена из-за того, что не догадалась прихватить еще бутылку вина из бассейна. Алкоголя в доме не водилось с марта. *Наверное, это к лучшему.* Алекс немного поспит и позже вернется на вечеринку. И не имеет значения, что себе вообразил Ник.

Алекс устроилась на диване. Включенный кондиционер охлаждал ее кожу. Она натянула пушистое одеяло до подбородка, мысленно прокручивая инцидент с бассейном, вызывающий теперь волны стыда.

«Ты не такая, – твердила себе Алекс. – Ник, наверное, прав. Какой душой я себя выставила. Что со мной не так? Слава богу, Летти не было рядом и она этого не видела».

В конце концов глаза Алекс закрылись, и она погрузилась в глубокий сон. Некоторое время спустя женщина вздрогнула и проснулась. Дневной свет все еще просачивался сквозь занавески, сообщая Алекс, что вечеринку она не проспала.

Она резко выпрямилась – слишком быстро, – и комната стала вращаться. Потребовалось мгновение, чтобы уши женщины привыкли к звуку, доносящемуся из-за окон. Что-то было не так. За эти годы она слышала все – фейерверки, смех, музыку, – но полицейские сирены?

Такое точно было впервые.

День памяти (наши дни). Страница онлайн-сообщества Мидоубрук.

Сообщение от Регины Артур

Кто-нибудь знает, что происходит? Только что услышала звук, похожий на вой сотни сирен.

Эд Каллахан

Было бы гораздо проще, если бы мы знали, где вы живете! Как думаете?

Ответ от Тома Бека

А, Эд вернулся. Кто, черт возьми, разблокировал тебя, Эд?

Лора Боллвелл

Я тоже их слышу. Кажется, на Олтон-роуд что-то происходит.

Ответ от Сюзанны Хортон

Что-то происходит с Хвастунами-с-Олтон? Удивлена, что они не задействовали Национальную гвардию. ЛОЛ!

Ответ от Джозеани Уилкинс

Это не смешно. Случилось что-то серьезное.

Регина Артур

Я никогда не слышала столько сирен.

Джанет Пинкхэм

У кого-нибудь еще были проблемы с тем, что городские мешки для мусора трещат по швам? Такое случалось уже четыре раза, так что мне приходится дважды упаковывать их, не говоря уже о том беспорядке, который это вызывает.

Ответ от Кэтрин Ливитт

Джанет, пожалуйста, напиши об этом отдельный пост. На Олтон-роуд серьезная ситуация. Разве сегодня не их ежегодная вечеринка в честь Дня памяти?

Ответ от Лоры Боллвелл

Да!!! Мой муж пытается поймать полицейскую волну. Никуда не уходите!

Кристина Додди

Переживаю и молюсь за них.

Ответ от Сюзанны Хортон

Пока вы этим занимаетесь, пришлите также местного эксперта по оценке. Они должны платить более высокие нало-

ги. Ха-ха.

Генри Сент-Джон

Думаю, там может быть пожар или что-то в этом роде. Только что мимо моего дома проехали три пожарные машины.

Том Бек

Кто-нибудь, живущий рядом с Олтон-роуд, видел дым?

Ответ от Росса Вайнбренера

Единственный дым, который я видел, исходил от флотилии грилей для барбекю. Кого из присутствующих здесь когда-либо приглашали на их грандиозную вечеринку в честь Дня памяти?

Ответ от Росса Вайнбренера

Они не приглашают даже жителей Такер-стрит. Это через две улицы от них. Разве это недостаточно близко, чтобы считаться частью квартала?

Ответ от Эда Каллахана

Эм-м, нет.

Ответ от Сюзанны Хортон

Олтонцы! Ха-ха-ха!

Лора Боллвелл

Да уймись, пожалуйста!! Это серьезно. Может быть, произошел несчастный случай или что-то в этом роде?

Регина Артур

Мой муж только что услышал полицейский код 187.

Ответ от Сюзанны Хортон

Это код для зазнавшихся гордецов?

Ответ от Тома Бека

Нет, дура. Это код убийства.

День памяти, год назад

Глава 2

Со своего тенистого наблюдательного пункта Алекс смотрела, как Ник раскладывает стопку джутовых мешков в идеально прямую линию на тщательно подстриженном соседском газоне. Она издалека восхищалась фигурой своего мужа, полностью осознавая, что вовсе не предвкушение предстоящей вечеринки заставляет ее сердце учащенно биться. Если отвлечься от этих шорт карго, Ник был любовью всей ее жизни.

Но Алекс не могла сидеть сложа руки, восхищаясь своим мужем. У нее есть работа, которую нужно сделать. Она организатор вечеринки квартала, и на нее возложено множество обязанностей.

Она проверила время на своем телефоне. Совсем скоро дети залезут в мешки, которые разложил Ник, и будут носиться вокруг, как гигантские скачущие бобы. Она улыбнулась, вспомнив, как это делала Летти. Дни тянутся долго, но годы летят быстро – клише, конечно, но это не означает, что оно не верно.

Несмотря на то что вечеринка находилась в самом разгаре, люди повсюду пили, ели и играли в игры, Алекс без

труда обнаружила свою дочь. Верная себе, Летти единственная на вечеринке была одета во все черное, ее «мартинсы» резко контрастировали с кроссовками и сандалиями остальных присутствующих. Она неторопливо прошла мимо отца и даже не взглянула на него, беспечно потягивая напиток из красного стаканчика.

Алекс надеялась, что в нем была содовая.

– Летти, – позвала она, – почему бы тебе не поделиться своим плейлистом с дядей Кеном? Нам не помешала бы какая-нибудь более современная музыка.

Словно по сигналу, из динамиков, которые шурин Алекс, Кен Эдер, притащил из своего подвала, зазвучали The Doobie Brothers. Кен, который когда-то играл на гитаре в школьном объединении, пообещал собрать какую-нибудь музыкальную группу для выступления на вечеринке.

К счастью для всех, он не нашел ни времени, ни местных талантов, чтобы привести в исполнение свою угрозу.

Летти отмахнулась от матери.

– Мне нравилось помогать с музыкой примерно четыре года назад, когда мне было не все равно, – сказала она. – Но не теперь.

Она подняла стаканчик в знак приветствия, прежде чем уйти. Летти было велено присутствовать на вечеринке, но это не означало, что в ее обязанности входило общение с кем-либо.

– Она изменится. Дай ей время, – произнес голос за спи-

ной Алекс.

Она обернулась и увидела Уиллоу Томпсон, высокую худощавую женщину лет тридцати с темно-русыми волосами, уложенными в раздражающе идеальные локоны. Именно на лужайке Уиллоу должны были состояться бега в мешках. Технически это лужайка Уиллоу и Эвана, по крайней мере до тех пор, пока их развод не завершится.

– Когда? – спросила Алекс. – После того, как у нее родится ребенок и я ей снова понадобится?

Уиллоу только пожала плечами.

Будучи человеком, у которого никогда не было карьеры, который получал деньги, подрабатывая неполный рабочий день то тут, то там – последний раз в детском саду, Уиллоу, тем не менее, всегда одевалась потрясающе. Вот и сейчас на ней были облегающие брюки капри, босоножки на ремешках и свободная шелковая блузка, идеально подходящая для теплой погоды. Она выглядела способной завладеть вниманием окружающих даже на вечеринке-барбекю.

– Станет легче, когда эта история в школе уляжется, – проговорила Уиллоу. – Если это хоть как-то поможет, Райли чувствует себя виноватой из-за того, что произошло. Она не приветствует акт вандализма, но поддерживает стоящую за ним идею.

– Приятно слышать. – В голосе Алекс не было особой благодарности.

Райли Томпсон, единственный ребенок Уиллоу, была пре-

зидентом студенческого совета и кем-то вроде знаменитости из списка «А» среди молодежи Мидоубрука. Она также была лучшей подружкой детства Летти, впоследствии ставшей ее мучительницей, но Алекс не держала на нее зла. В дружеских отношениях девушек было больше драматизма, чем на Шекспировском фестивале. Однако на более поздние события Алекс не могла не обращать внимания.

– Мне нужно проверить бургеры, – спохватилась Алекс, ретируясь прежде, чем Уиллоу успела сменить тему и заговорить о своем предстоящем разводе. – Давай пообщаемся позже, хорошо? – Алекс дружелюбно помахала рукой, направляясь к палатке, где будущий бывший муж Уиллоу, хорошо известный, но импульсивный фотограф по имени Эван Томпсон, готовил мясо на гриле.

Эван выглядел как двойник Уиллоу в своей шикарной рубашке на пуговицах, идеальных шортах и обуви, которую, скорее всего, он только что достал из коробки. Как пара они прекрасно смотрелись вместе, но их характеры противоречили друг другу, как сандалии и носки. Уиллоу была в некотором роде домоседкой, в то время как Эван всегда хотел путешествовать. К тому же из-за его частых поездок в Нью-Йорк и различные экзотические места, где он фотографировал горячих моделей, Уиллоу было трудно доверять ему. Если добавить к этому его чрезмерное увлечение вечеринками и абсолютную безответственность, в результате чего Уиллоу приходилось заботиться обо всем самой, не удивительно, что

брак этой пары получился взрывоопасным и неустойчивым.

Несмотря на то что решение о разводе было твердым, документы еще предстояло оформить. Уиллоу и Эван согласились ради Райли продолжать совместное проживание до момента, когда дочь закончит школу, и только тогда продать дом. Но в устах этой пары клятва «пока смерть не разлучит нас» звучала как угроза.

– Так что же хотела сказать самая большая ошибка в моей жизни? – Эван кивком указал на Уиллоу, в то время как его руки были заняты приготовлением котлет для бургеров.

Алекс изобразила улыбку.

– Ты имеешь в виду мать твоей драгоценной дочери?

– Может, она и похожа на свою маму, но, слава богу, в Райли больше от меня.

– Мы все еще друзья, Эван. – Алекс подавила вздох. – Мы пытаемся поддержать вас обоих. Давайте сохраним хорошие отношения. – Она воткнула термометр для мяса в самую толстую часть котлеты, приготовленной Эваном. Цифровой индикатор показывал 110 градусов. – Маловато будет, – заметила Алекс. – Давай не будем дарить детям кишечную палочку, хорошо? Большое спасибо. – Она нежно потрепала Эвана по щеке.

– Хочешь есть? – спросил Эван. – Я приготовлю что-нибудь на углях специально для тебя.

– Нет, не стоит. Может быть, чуть позже. – Алекс не хотела, чтобы Летти видела, как она пожирает «бывшее разумное

существо». Она была не в настроении выслушивать нотации.

– Что на обед у Летти? – поинтересовался Эван. – Могу сообразить для нее что-то особенное.

– Мое сердце, – бросила Алекс через плечо.

С этого момента вечеринка в основном проходила гладко, но не без небольших пожаров, которые Алекс между делом приходилось тушить. К четырем часам пополудни она справилась с проблемой нехватки булочек (нашла еще несколько упаковок в морозилке в подвале) и перебранкой десятилетних детей (нашла их матерей), а также сбегала в магазин за новыми плитками шоколада после того, как Ник оставил упаковку слишком близко к огню.

В конце концов у нее появилась возможность передохнуть. Алекс положила ноги на шезлонг, готовясь насладиться бокалом вина. Однако мгновение спустя она заметила «Ауди» своей младшей сестры Эмили, въезжающую на подъездную дорожку дома 13 по Олтон-роуд. За ней подъехал сверкающий серебристый «Лексус».

Особняк теперь пустовал. Семья Уиверов стала меньше после того, как их младший сын окончил колледж. Величественное кирпичное поместье было выставлено на продажу всего несколько дней назад, и уже нашелся человек, жаждущий его приобрести.

Эмили в повседневном деловом наряде выглядела уравновешенной и уверенной в себе. Ее яркая улыбка обозначала: «Этот дом продан». Будучи одним из самых востребованных

агентов по недвижимости в Мидоубруке, Эмили Эдэр, как и ее муж, известный продавец программного обеспечения Кен Эдэр, любила острые ощущения от совершения сделки.

Из «Лексуса» вышли клиенты Эмили, красивый мужчина-индеец и эффектная блондинка, вероятно, его жена. Супругов сопровождал молодой человек лет двадцати с небольшим, с темными волосами и темными глазами, скорее всего, их сын.

Эмили поймала взгляд Алекс и нетерпеливо помахала ей, приглашая присоединиться к ним.

– Алекс, – проворковала Эмили, продолжая сиять, – это семья Кумар – Самир, Мэнди и их сын Джей. Господа, это моя сестра и, к счастью для меня, моя ближайшая соседка, Александра Фокс, сокращенно Алекс.

Даже приглядевшись внимательно, сложно было заподозрить, что Алекс и Эмили родные сестры. У обеих были блестящие темные волосы и светло-карие глаза, однако Эмили выглядела миниатюрной, в то время как Алекс имела крепкое телосложение и была выше сестры на несколько дюймов. Эмили достался маленький округлый носик отца, а Алекс унаследовала более грубые черты лица матери. Несмотря на генетические различия, они обе были по-своему красивы.

– Итак, хорошие новости, – сообщила Эмили. – Кумары очень заинтересованы в покупке и собираются сделать предложение, поэтому я решила провести второй просмотр сегодня, чтобы показать им окрестности.

Этот восходящий тон, который Алекс так хорошо знала, был достаточным намеком на то, что сделка почти заключена.

– Ты выбрала идеальный день для приезда, – проговорила Алекс. Самир не сделал ни малейшего движения, чтобы пожать ей руку. Рукопожатие Мэнди, напротив, было теплым и крепким. Джей отстраненно стоял поодаль. – Мы собрались здесь на нашу ежегодную вечеринку, – объяснила она.

– Милая, – позвал Ник с другой стороны улицы, – у нас закончилась горчица!

– Хорошо! – крикнула она в ответ, стараясь придать своему голосу бодрость. – Я позвоню в полицию. Не волнуйся. – Она натянуто улыбнулась Мэнди. – Это мой муж – Ник. Он отличный парень, очень ловко обращается с инструментами, а вот с приправами не слишком.

Мэнди, у которой была сияющая кожа и лучезарная улыбка, легко рассмеялась, наблюдая за происходящим своими пронзительными голубыми глазами. Ее муж Самир пристально разглядывал огромный дом, который, по мнению Алекса, был гораздо больше, чем требуется троим.

– Вечеринка кажется такой веселой. Замечательная традиция! – восхитилась Мэнди, которая стилем напоминала Уиллоу.

Одежда ее мужа тоже была не из простых. Обратив внимание на тщательно выглаженные рубашку и брюки, ухоженные руки, глянцевые мокасины, блеск браслета для часов и чисто

выбритое лицо, Алекс могла сказать, что он придирчиво относился к своей внешности.

– Напомните мне, какие здесь налоги? – спросил Самир Эмили, и по его тону было понятно, что какую бы цифру она ни назвала, это покажется ему слишком.

– Сейчас посмотрю, – сказала Эмили, не сбиваясь с ритма.

– Так много детей, – заметила Мэнди, все еще любясь окрестностями. Алекс услышала что-то меланхоличное в ее голосе и приписала это к тому, что ее сын, как и Летти, давно не играет во дворе.

– Кен, – позвала Эмили своего мужа, который стоял в пределах слышимости, – иди сюда, милый. Позвольте мне вас представить.

– Такой большой дом, – проворчал Самир. – Кому нужен такой большой дом в нашем возрасте?

– Он великолепен, – проговорила Мэнди, виртуозно проигнорировав недовольство своего мужа, если она вообще его услышала.

Алекс наблюдала, как Кен переходит улицу, словно император-завоеватель, – выпятив грудь, надев свою лучшую улыбку «чертовски-рад-познакомиться». Он был обаятелен, и Алекс любила его как члена семьи, но ее внутренний радар, чутко реагирующий на разного рода дерьмо, всегда усиленно сигналил в присутствии Кена. Она должна была отдать ему должное: он все еще выглядел подтянутым в своем синем поло. Непременное посещение спортзала пять дней в неделю

несколько сдерживало возрастные изменения, в то же время давая представление о том, что он когда-то был спортсменом. Красивый почти до неприличия, Кен излучал магнетизм, который притягивал к нему людей, Эмили была в их числе.

Кен подошел, неся свою драгоценную бутылку Johnnie Walker Blue Label. В этот момент Алекс поняла, что все было подстроено. Бутылка виски по цене более двухсот долларов – эту роскошь Кен обычно хранил для себя. Сейчас же – невероятно! – он держал в руках три бокала.

– Мэнди, Самир, это мой муж Кен Эдер, – представила его Эмили.

В своей обычной манере Кен первым обратился к мужчине. По его мнению, это все еще был мужской мир, и именно Самир со своей чековой книжкой будет принимать окончательное решение.

– Я довольно эгоистично отношусь к своим запасам дорогого виски, – сказал Кен, глядя только на Самира. – Я ценю, что вечеринка проходит только раз в год. С тех пор, как мы завели эту традицию, я стал немного бережнее относиться к запасам.

– Немного? – прервала его Эмили. – Он никогда не делится и каплей – никогда.

– Это верно, – подтвердил Кен. – Но жена, обладающая даром убеждения, уговорила меня предложить немного нашим новым соседям в качестве приветственного тоста. Итак,

могу я налить вам?

Самир усмехнулся.

– Ну, мне еще рановато для виски, но спасибо за предложение.

– Не за что, – улыбнулся Кен. – Просто чтобы вы знали, у меня есть связи в совете по городскому планированию, если вы заинтересованы в проведении каких-либо ремонтных работ. На самом деле я переоборудовал наш гараж в квартиру для моей свекрови. Это раздавит меня налогами, но оно того стоит. Семья – это все, верно, милая?

– Конечно, – проговорила Эмили, не включая обаяния продавца.

– Да я сделаю всё что угодно для своей семьи. За эти годы я проехал по F-150² несколько сотен тысяч миль, возя своего ребенка с одного турнира по лакроссу на другой, зато сейчас он стартовый полузащитник «Сиракьюс».

Эмили прочистила горло:

– У нас есть еще один сын, Дилан, который тоже занимается спортом в средней школе Мидоубрука.

Кен выглядел слегка смущенным.

– Да-да, именно так. Ди тоже отличный игрок. Действительно старается изо всех сил!

«Старается изо всех сил?! Из всех сил старается сиять так же ярко, как Логан», – подумала Алекс, представляя, как она выливает на голову Кена его замечательный виски.

² Короткая автомагистраль в штате Массачусетс.

Она подавила этот порыв. Одержимость Кена достижениями Логана была не более чем отражением славы, но от понимания этого не становилось легче ее выносить.

Наконец Кен повернулся к жене Самира, словно только что заметил ее:

– А как насчет вас? Мэнди, не так ли? Хотите выпить?

Когда их глаза встретились, Кен застыл как вкопанный. Алекс не знала что и думать о выражении его лица. Он был известен тем, что ценил женщин, особенно привлекательных, но, казалось, был поражен красотой Мэнди. «*Восхищен*» – вот слово, которое пришло на ум. И в Мэнди тоже промелькнула искра, которой определенно не было раньше. Казалось, между ними произошел небольшой взрыв. Алекс почувствовала напряжение в атмосфере и, глядя на сестру, поняла, что Эмили тоже это заметила.

Глава 3. Летти

Я знаю, о чем думает большинство мам на этой вечеринке, по крайней мере те, у кого дети помладше. Я вижу осуждение в их глазах. Лишь потому, что я одета не в весенние цвета, а в черное, они полагают, что я *проблемная, подавленная, капризная, злая, вызывающая и употребляю наркотики*. Что ж, пять из шести – справедливо. Только вот я не употребляю наркотики. Даже не пробовала. И никогда не пила алкоголь. Другими словами, я не часто хожу на вечеринки.

Честно говоря, меня не волнует моя «популярность». И я не ханжа в том, что касается веществ, изменяющих сознание. Мои друзья из школьного комитета по борьбе с климатическим кризисом всегда навеселе после наших еженедельных встреч, и я их не осуждаю. Я понимаю. Кто бы не захотел немного снять стресс после двухчасовых разговоров о тающих ледяных шапках, опасных тепловых волнах, нехватке продовольствия и бесконечных засухах?

Я почти уверена, что мамы из Мидоубрука, сидя в своих домах с кондиционерами или разъезжая на огромных внедорожниках, не слишком задумываются о потеплении на нашей планете, но они, несомненно, разбираются в том, как должен выглядеть подросток. Они смотрят на мои темные обрезанные шорты, белые, как зубная паста, ноги, облаченные в «мартинсы», на отсутствие макияжа, длинные волосы,

собранные в конский хвост, и верят, что с их драгоценными чадами такого не случится.

Полагаю, подобные мысли помогают им лучше спать по ночам.

Мой папа подзывает меня к себе. Могу предугадать, что он скажет, еще до того, как он это произносит.

«Летти, – окликнет он своим глубоким отцовским тоном, – ты что-нибудь ела?»

Я подхожу прямо к нему.

– Летти, – говорит он. – Ты что-нибудь ела?

Бинго.

– Я не голодна.

Три слова. Половина моей дневной нормы.

– Ну а как насчет вегетарианского бургера? – не сдается он, зная, что к мясу я не притронусь. Хотя ему это не нравится. Считает, что мне не хватает белка. Чушь. Я повторяла ему бесчисленное множество раз, что растительный белок не менее полезен, но он не прислушивается к фактам, когда принимает решение.

– Не надо, спасибо, – отвечаю я.

День еще только начинается, а уже сказано шесть слов. Черт возьми. Все следующие пойдут в счет завтрашних.

– Яичное многоборье? – спрашивает папа.

Он указывает на себя, затем на меня, будто я не знаю, что он хочет, чтобы мы были в одной команде.

Мне требуется невероятное усилие, вся воля, которую

я могу собрать, чтобы не поморщиться. Я не могу разбить сердце своему отцу, но яичное многоборье? О боже, нет! С восьми до тринадцати лет мы объединялись с ним и оставались непобедимыми. Мы как Том Брэди и Роб Гронковски³ во вселенной яичного многоборья. Где-то в подвале есть коробочка с нелепыми пластиковыми трофеями, которые мой дядя Кен покупает каждый год, чтобы раздавать в качестве наград за победу в различных играх, включая бросание яиц. Однако к большому разочарованию моего отца, я ушла из соревнований после того, как пережила то, что стала называть своим пробуждением, то есть когда я осознала, насколько глупы эти соревнования. Год за годом папа доблестно пытается заставить меня вернуться. Он думает, что еще один трофей сблизит нас.

Благослови Бог его доброе сердце.

Не то чтобы я не пыталась наладить отношения со своим отцом. Я старалась, правда. Я не из тех подростков, которые думают, что их родители глупы и ничего не могут предложить. Мой папа безумно умный. Он отличный парень, и да, я люблю его. Но он не хочет говорить о вещах, которые важны для меня: о нашей нагревающейся планете, проблеме иммиграции, контроле над оружием, гендерных проблемах – список можно продолжать бесконечно.

В данный момент нам грозит столкновения другого рода. Колледж – это надвигающийся кризис, и стоимость мое-

³ Величайший дуэт в истории американского футбола.

го образования стала его любимой темой для разговора. Он считает, что платить огромную сумму за степень бакалавра – пустая трата денег. Я же думаю, что мне не нужно идти в UMass⁴. Калифорния взывает ко мне! Самый прогрессивный штат страны, где я могла бы работать над проблемой климатического кризиса с передовой. Если мой отец не заплатит за обучение в USC⁵, я возьму кредит. Он, конечно, скажет мне, что я не понимаю, как работают проценты. Станет пугать долгами. Удачи в приобретении машины или дома, заявит он.

Плевать. Если я все-таки куплю машину, это будет экологичный фургон, в котором я смогу жить. Никаких особнячков, извергающих углекислый газ, для меня не существует.

– Может быть, в следующем году, – говорю я папе, бросая ему косточку. Я вижу боль в его глазах. Поскольку слова «прости» нет в моем лексиконе, я приношу ему свои извинения мысленно.

Коротко обнимаю его, что с лихвой компенсирует мой отказ. Я также надеюсь, что мое объятие демонстрирует, что я не держу на него зла, несмотря на то, что он наказал меня на половину лета. Если бы я была своим ребенком, я бы поступила так же.

Я отваживаюсь уйти в поисках уединения, делая все возможное, чтобы избежать зрительного контакта. Эта вечерин-

⁴ Массачусетский университет.

⁵ Университет Южной Калифорнии.

ка и так не была особо веселой, но поскольку теперь благодаря школьной камере слежения обо мне говорит весь город, мне нужно укрытие.

К сожалению, я не могу искать убежища в своей спальне, а это именно то место, где мне хотелось бы находиться. Мне как бы не хватает аргументов в переговорах из-за того, что я, несомненно, виновна в довольно серьезном проступке.

Подходя к задней части дома Томпсонов, который стоит рядом с нашим, ощущаю в воздухе аромат жарящихся бургеров. Я подумываю о том, чтобы окунуть ноги в соседский бассейн, но мне снова не везет, поскольку я натываюсь на своего двоюродного брата Дилана Эдера. Увидев меня, он вздрагивает, вскакивает с шезлонга, как испуганный кот, открывая фигуру Райли Томпсон, которая была скрыта под ним.

Дилан выпрямляется. Я с сожалением опускаю глаза. Я вижу то, что вижу, и он знает, что я это вижу. Мы оба краснеем, прежде чем он прыгает в бассейн, ведя себя так, будто с самого начала собирался это сделать.

– Эй, как дела, Летти? – беспечно произносит Дилан, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно и небрежно. Он опирается локтями о край бассейна, приподнимая торс так, что вода каскадом стекает по его мускулистой груди. Он усердно занимается в спортзале с тех пор, как его брат Логан на первом курсе колледжа стал чемпионом мира по лакроссу. Дилан, возможно, и не такой звездный игрок, как Ло-

ган, но его смуглого и задумчивого образа вкупе с его спортивным мастерством достаточно, чтобы заслужить расположение, бесспорно, самой красивой девушки в нашей школе Райли Томпсон, которая, так уж случилось, является человеком, которому я больше всего хочу дать по морде.

Райли поднимается с шезлонга, как Венера из своей раковины-раскладушки. На ней белый раздельный купальник, который смотрелся бы вполтину меньше на моем более широком торсе. Не поймите меня неправильно, я не зациклена на своем теле. Мне нравится, как я выгляжу, но одновременно я осознаю, что Райли совершенно великолепна, и у меня никогда не будет такой фигуры, как у нее, независимо от того, сколько часов я провожу в тренажерном зале (недостаточно) или от скольких пончиков с медовой глазурью я отказываюсь (возможно, недостаточно).

– Привет, Летти, – щебечет Райли, наклоняя голову вправо, как будто у нее внезапно лопнуло сухожилие на шее. – Что нового?

Я могла бы рассказать о нехватке продовольствия или неравенстве доходов, но вместо этого сухо бросаю:

– Ничего.

А потом мы с любопытством смотрим друг на друга, пытаюсь решить, что делать дальше. Ответом, по-видимому, является молчание.

Я могла схлестнуться с Райли, дать ей понять, что знаю – это она меня сдала, но к чему это приведет? Ведь именно Ди-

лан сообщил мне, что Райли опознала меня на фотографиях с камеры наблюдения, которые полиция Мидоубрука разместила в социальных сетях. Полиция хотела схватить школьного вандала, а Райли хотела поиграть в героя. Приятно осознавать, что преданность семье важнее минета.

– Увидимся позже, – бросаю я обоим.

– Пока, Летти, – произносит Райли, махнув рукой.

Мы с Диланом на мгновение встречаемся взглядами. Я вижу, его беспокоит, что я стану ругаться с Райли и испорчу им свидание. Хоть я и жажду отомстить ей, я не буду делать это за счет своего кузена.

Иду мимо дома Брук Бейли. Брук была бы самой горячей мамочкой на улице, если бы только у нее были дети. У нее нет мужа – он умер, упав с круизного лайнера. Полиция назвала это несчастным случаем. Однако не все в это верили. Я как лицо незаинтересованное так и не определилась со своим мнением по данному вопросу.

Выхожу на лужайку перед пустующим особняком рядом с домом Брук, пытаюсь забыть большую часть того, что только что произошло, когда вижу привлекательного индийского парня примерно моего возраста на качелях, которые когда-то принадлежали семье Уивер. Дым валит у него изо рта после того, как он вынимает оттуда Juul⁶. Его красивая голова окутана туманом. Поскольку я никогда раньше его не видела, предполагаю, что он хочет купить дом Уиверов, но

⁶ Американский бренд электронных сигарет.

он кажется слишком молодым, чтобы искать жилье, и у меня такое чувство, что он слишком умен, чтобы баловаться вейпингом, а значит, его что-то беспокоит.

Считайте меня заинтригованной. Я не застенчивая.

– Привет, – мямлю я.

Он поднимает голову. Господи, эти карие глаза! Он выглядит лучше, чем любой мальчик в школе, но не по стандартам Мидоубрука, которые отдают предпочтение более традиционным спортивным типам.

– И тебе привет, – отзывается он, делая вторую затяжку и выбрасывая облако белого пара, которое быстро растворяется в теплом воздухе. Он предлагает мне Juul.

– Нет, спасибо, – мотаю я головой. – Мы, кажется, не знакомы.

– Я Джей, – представляется он, снова протягивая Juul, как будто это превращает нас из незнакомцев в приятелей по вейпу.

Я улыбаюсь и снова отказываюсь.

– Летти, – говорю я. Мы пропускаем рукопожатие.

– Кажется, я раньше не слышал такое имя.

– Это сокращение от Элизабет... ну, вроде того, – объясняю я. – Когда я была маленькой, я произносила свое имя Леттибет, и Летти как бы приклеилось. Никто не называет меня Элизабет. Теперь я просто Летти. – Джей снова затягивается. – Ты знаешь, что в одной капсуле Juul содержится столько же никотина, сколько в пачке из двадцати обычных

сигарет?

Джей ухмыляется.

– А почему я им, по-твоему, пользуюсь?

Он похлопывает рукой по качелям рядом с собой, и я принимаю его приглашение. Нравится ли мне качаться? Гораздо больше, чем бросать яйца, это точно. Я втискиваюсь всем телом в пластиковые качели, которые прогибаются под моим весом, сдавливая нас, как смирительная рубашка. С задней стороны дома Уиверов все еще слышен шум вечеринки нашего квартала – гремит плохая музыка дяди Кена, дети носятся и кричат, всеобщий беспредел, царящий на этом сборище, заглушает пение птиц, которое обычно является для нас фоновым шумом.

Я упираюсь ногами в землю, используя их как рычаги для придания небольшого импульса, радуясь, что могу дать выход своей нервной энергии. Уверена, что Джей старше меня, но всего на несколько лет. Мне нравятся его взъерошенные волосы и повседневный стиль – джинсы, белая футболка под расстегнутой рубашкой на пуговицах. Он носит белые «найковские» кроссовки без носков.

– Итак, Летти, – говорит Джей, – что у тебя происходит?

– Это не слишком для первого вопроса?

– У меня не так много времени, – хмыкает Джей. – Мои родители хотят купить этот дом, и процесс не затянется.

– Уверена, что покупка жилья – дело не пяти минут, – возражаю я. Теперь смеется Джей.

– Ты не знаешь мою маму. – Он одаривает меня очаровательной улыбкой. – Когда моя мама на что-то решается – а она уже решила купить этот дом, – это происходит, и происходит быстро.

Я заостряю внимание на его коротко подстриженных усах. Обычно такой стиль меня не привлекает, но Джею он идет.

– Ты собираешься жить здесь с ними? – я надеюсь, что ответ будет утвердительным.

– Да, – отвечает он немного мрачно, точно не рад этой перспективе.

– У тебя есть братья или сестры? – Я бросаю взгляд на кирпичное чудовище перед нами. Многовато для троих, особенно когда один «ребенок» кажется достаточно взрослым, чтобы уже иметь собственную квартиру.

В глазах Джея появляются отстраненность и тяжесть, которых не было несколько мгновений назад. За этим определенно стоит история, но я не собираюсь совать нос в чужие дела. Я краснею. Меня слегка мутит – я боюсь, что ляпнула что-то не то. Но тут лицо Джея смягчается, спасая меня от дальнейшего смущения.

– Нет, я один, – отвечает он.

– Ты собираешься учиться в средней школе Мидоубрука? Джей хихикает:

– Меня выкинули из Северо-восточного шесть месяцев назад.

Выкинули? Его выгнали из колледжа? Естественно, тыся-

чи мыслей приходят мне в голову, и этого достаточно, чтобы я перестала раскачиваться. Что он натворил? Может, из-за оценок? Или наркотики? Я взволнована перспективой, что присутствие Джея может сделать наш район намного интереснее, и надеюсь, что в его проступке не было ничего *действительно* плохого. Но даже в этом случае я не собираюсь спрашивать.

– А ты? Учишься в Мидоубруке?

– Ага.

– Значит, заканчиваешь школу. Поздравляю.

– Нет, только в следующем году, – объясняю я. – Меня отстранили от занятий на последние две недели, вот и все.

Джей выглядит впечатленным, как будто мы с ним родственные души.

– Рассказывай! – В его шоколадных глазах вспыхивает огонек.

«А почему бы, черт возьми, и нет?» – думаю я.

Показываю ему свой телефон, а именно заставку на дисплее.

– Это ты? – спрашивает он.

Я киваю. На фото не видно моего лица. Мои глаза так ярко светятся из-за чувствительной оптики камеры слежения, что черты лица становятся размытыми. Баллончик с краской в моей руке вполне себе заметен.

– Граффити? – уточняет Джей.

Я снова киваю, прежде чем рассказать ему историю о том,

как я отправилась в школу в футболке с надписью: «Идите на...» и изображением яблока, от которого откусили большой кусок. Очевидно, такая форма одежды нарушала школьные стандарты, в которых что-то упоминалось насчет угрожающих высказываний. Мне предоставили выбор: моя мама принесет мне другую рубашку или мне придется пойти домой и пропустить важный тест.

– И я такая: «Какая разница! Или вам нужен пример настоящих разжигающих ненависть высказываний?» – Я нарочито негодную.

– Полагаю, они не приняли твои аргументы?

– Ни в малейшей степени, – подтверждаю я. – И думаю о несправедливости всего этого – вовсе не по отношению к себе, а по отношению к реальным проблемам, о которых должна заботиться школа: выбросы парниковых газов, размеры классов, консультации по психическому здоровью, издевательства, бедность, жестокое обращение с детьми, гендерные и расовые вопросы, но нет, мою дурацкую футболку выставили серьезной проблемой, которую потребовалось немедленно решить.

– Твоя мама принесла тебе другую?

– Ага, – признаюсь я, – но на следующий день я создала онлайн-петицию, в которой говорилось, что моя одежда не была неприличной и весь стандарт нужно переписать. За пару недель я собрала триста подписей, даже от некоторых учеников средней школы.

– Что было потом? – заинтригованно спрашивает Джей.

– Мою петицию отклонили на заседании школьного совета.

– Полагаю, тут-то и наступает время для граффити, – говорит Джей.

– На фото, которое я тебе показала, как раз момент, когда я написала баллончиком «Идите на...» на двери школьного спортзала.

– Ого, – произносит Джей, его глаза расширяются.

– Мне, вероятно, все бы сошло с рук, но девушка моего двоюродного брата выдала меня.

– Но как? – не понимает Джей. – На этом снимке может быть кто угодно.

Я снова открываю фотографию на своем телефоне, пальцами увеличиваю изображение, особенно фрагмент, где видно руку, держащую баллончик с краской. Становится заметно изменение цвета на моем запястье – родимое пятно. Я показываю Джею такую же отметину на своей коже.

– Райли Томпсон живет вон там. – Я указываю на дом Райли. – Она была моей лучшей подругой, когда мы были маленькими, и мое родимое пятно было постоянной темой для разговоров. Оно завораживало ее. У нее нет ни единого изъяна на теле.

– Что она выиграла, сообщив о тебе? Получила денежное вознаграждение?

Не уверена почему, но у меня такое чувство, что деньги

очень важны для Джей.

– Не-а. Но она президент студенческого совета. Может быть, она чувствовала себя обязанной. Или она хотела повысить свой авторитет у руководства школы. Ее всегда привлекал престиж.

– Тебе обязательно ходить в летнюю школу? – спрашивает Джей.

– Нет, я все еще могу сдавать домашнее задание, тесты и не провалить четверть. Бывало и хуже.

– Как твои родители восприняли это?

– Не очень хорошо. Я наказана на половину лета. Я могу устроиться на работу, ходить на работу, возвращаться домой, и все. О, и я могу присутствовать на этой дурацкой вечеринке, вероятно, потому что мои родители знают, что я не хочу на ней быть.

– Вот это я понимаю наказание, – говорит Джей со смехом. – Ну, ты можешь общаться со мной этим летом, при условии, что я перееду. – Мне бы этого хотелось, но ему не обязательно знать об этом. – Ты не единственная неудачница в Мидоубруке, – добавляет Джей, указывая на себя.

Мы раскачиваемся, поднимаясь все выше. Цепи скрипят под нашим весом.

– А кто сказал, что я неудачница? – В ответ на это Джей бросает на меня взгляд, который мгновенно разоблачает мой блеф. – Ладно, я неудачница, – признаю я.

– Мне двадцать лет, а я все еще живу с родителями, – про-

износит он, прежде чем сделать еще одну затяжку. – Мы можем стать друзьями.

Мы не пожимаем друг другу руки, но это всего лишь формальность.

– Как будешь коротать время в домашнем заключении, когда меня не будет рядом, чтобы отвлечь тебя от твоего тяжелого положения? – спрашивает Джей.

Пожимаю плечами:

– Начну заниматься своей летней работой для курса психологии AP⁷. Я пишу о мести. Райли вдохновила меня.

Я выдаю коварную ухмылку. Джей вообще никак не реагирует.

– Наверное, писать о мести – это круто, – равнодушно произносит он. Однако на следующем вдохе выражение его лица меняется, на губах появляется леденящая душу улыбка. – Но отомстить по-настоящему... Это то, чем можно действительно насладиться.

⁷ Advanced Placement – специализированная учебная программа подготовки к поступлению в университеты США и Канады.

Глава 4

Утреннее солнце струилось сквозь кухонные окна, словно маяк, возвещающий о наступлении нового дня. Для Алекс это означало возвращение к рутине – не такой уж мучительной, поскольку она работала на себя. Она была одной из немногих жительниц Олтон-роуд, которые настаивали (впрочем, безуспешно) на проведении вечеринки в воскресенье, а не в понедельник, в День памяти. Ей просто требовались дополнительные сутки для восстановления.

Она сделала первый отчаянный глоток кофе, слишком остро ощущая шум в голове, сожалея о своем решении завершить вечеринку еще одним бокалом вина на ночь. Ей понравилось вчерашнее празднество, но она была рада, что пройдет еще год, прежде чем они распакуют все необходимое, чтобы сделать это снова.

Она едва успела принять бодрящую порцию кофеина, когда на кухню вбежала Зои, дворняжка подпалового окраса, которую любили все, но кормил только один человек. Зои забрали из местного приюта для животных, уступив Летти, не один месяц выпрашивавшей домашнего питомца. Ник сопротивлялся, ссылаясь на их плотный график, но Алекс постоянно чувствовала себя виноватой из-за того, что дочь росла одна. В конце концов Ник проникся этой идеей, но он никогда не думал о Зои как о своей ответственности. По его

мнению, это была собака Летти.

В каком-то смысле он был прав. Без Летти не было бы Зои. Всякий раз, когда Летти жаловалась, что у нее нет сестры или брата, у Алекс на душе скребли кошки. Так получилось не по ее воле, но это слишком сложно объяснить ребенку. К тому времени, когда Летти стала достаточно взрослой, чтобы понимать, она уже привыкла к своему статусу, перестала просить брата или сестренку и захотела собаку. Алекс ухватилась за это, и у Летти появилась подруга по играм, а у самой Алекс отпала нужда отвечать на неудобные вопросы.

Она насыпала Зои еды, заметив, что миску с водой тоже нужно наполнить.

Ник появился на кухне, завязывая галстук.

– Миска для воды Зои опять пустая, – сообщила Алекс.

– И тебе доброе утро, – ответил муж. – Что-нибудь мучает после вечеринки?

– Ничего, – солгала Алекс. Ей казалось, что John Henry⁸ пытается выбить себе дорогу из ее черепа.

– Повезло, – протянул Ник, потирая виски. – Думаю, я уже слишком стар для таких сборищ.

Не испытывая никакого сочувствия, Алекс снова указала на пустую миску для воды:

– Может, ты еще и слишком стар, чтобы уделять больше внимания Зои? Я вроде об этом тебя сейчас спрашивала. У меня и так дел невпроворот.

⁸ Название виски.

– Справедливо. А у меня?

– Не перегибай, Ник. Я прошу помочь, и только.

– У нас вообще-то есть дочь, которая хотела собаку. Как насчет того, чтобы попросить о помощи ее?

Руки Алекс переместились на ее бедра. Она почувствовала, как у нее начинает подскакивать давление. Слишком рано.

«Спокойно. Сохраняй спокойствие, – сказала себе Алекс. – Нет причин доводить этот глупый разговор до ненужной крайности».

– То есть ты отказываешься помочь?

Ник отнес миску к раковине и наполнил ее водой.

– Нет, я просто указываю на то, что у нас есть дочь, умолявшая купить ей собаку, которой теперь не занимается, а ты ее об этом даже не просишь. Никогда. Похоже, в последнее время ты боишься с ней в чем-либо сталкиваться. Она не разобьется от малейшего движения, Алекс, тебе не нужно обращаться с ней, как с хрустальной вазой. Ты можешь надавить на нее, и она от этого не перестанет любить тебя.

У Алекс отвисла челюсть. Она хотела подобрать идеальный ответ, что-нибудь такое, что действительно задело бы мужа, но ее обширный словарный запас выдал только: «Тьфу».

В конце концов она нашла несколько слов.

– В какой момент разговор превратился в обсуждение того, как я воспитываю Летти? И я достаточно много с ней спо-

рила, – огрызнулась Алекс, представляя, как швыряет соба-
чью миску с водой в голову Ника, точно фрисби.

– В самом деле? Ты даже не хотела наказывать ее за то,
что ее отстранили от занятий.

– Это неправда.

Но это было правдой. Алекс считала, что отстранение от
занятий было достаточным наказанием, но предложила до-
машний арест всего на две недели. В конце концов ей при-
шлось применить к себе ту же тактику посредничества, ко-
торую она использовала в отношении своих клиентов. Они
пришли к компромиссу – ни победителей, ни проиграв-
ших, – посадив Летти под домашний арест на шесть недель
вместо предложения Ника продлить наказание на все лето.

С кружкой кофе в руке Ник вышел из кухни, следом по-
явилась Летти, сосредоточенная на телефоне. Она была на-
казана, но не лишена связи с миром.

Алекс мгновенно перезагрузилась. Она не хотела, чтобы
Летти знала, что у нее с Ником состоялся напряженный диа-
лог. Она почти слышала выговор мужа: *«Ты не можешь про-
должать защищать ее от реальной жизни».*

– Как тебе спалось, милая? – спросила Алекс.

– Прекрасно, – произнесла Летти, не утруждая себя зри-
тельным контактом.

– Ты в состоянии сделать домашнее задание? Директор
Кори...

– Мам, я в порядке, – перебила Летти.

– Точно, – согласилась Алекс. Почему общение с подростками похоже на обращение с боевой гранатой?

– Тетя Эмили продала дом Уиверов той семье?

Вопрос дочери застал Алекс врасплох.

– Ты видела, как Кумары вчера осматривали дом?

Прежде чем Летти успела ответить, Эмили, которая, как всегда, явилась без предупреждения, практически ворвалась на кухню через боковую дверь.

– У меня огромная проблема, – объявила она и схватила маффин с тарелки Алекс. Эмили откусила кусочек и только потом посмотрела на сестру, спрашивая разрешения. Та добродушно кивнула.

– Доброе утро, Летти, – поздоровалась Эмили с набитым маффином ртом.

– Доброе утро, тетя Эмили, – ответила Летти. – Ты продала дом Уиверов той семье?

– Пока нет, – немного сухо ответила Эмили.

Алекс хорошо знала этот тон и могла догадаться об источнике огорчения своей сестры.

– Круто, – произнесла Летти с безразличием, которое никак не вязалось с ее первоначальным интересом, и ретировалась, а Эмили, как ни странно, вытащила белый пакет для мусора из отдельно стоящего кухонного мусорного бака.

– Хм-м, ты что делаешь, сестренка?! – полюбопытствовала Алекс.

– Кен пошел на свалку, – бросила та, как будто это все

объясняло.

– И ты решила отнести туда мой мусор?

– Не совсем, – ответила Эмили и выбежала за дверь.

Алекс, не колеблясь, последовала за ней.

– Эм, что происходит?

Сестра не ответила. Она была слишком занята, переходя улицу в направлении к дому Уиверов.

У Алекс на это утро был запланирован сеанс медиации. И она не располагала временем, чтобы разбираться с нервным срывом своей сестры, который явно вот-вот должен был произойти. Она бросилась догонять Эмили, которая неслась шагом, близким к рыси. Пакет для мусора болтался в ее руке.

– Что, черт возьми, ты делаешь? – спросила Алекс, когда Эмили ввела код на ключнице, чтобы забрать ключ.

– Мне нужно придумать способ удержать Кумаров от покупки этого дома, – заявила Эмили. Она отперла дверь и поспешно вошла в пустой особняк.

Алекс последовала за ней в гулкое фойе. Выставленные на продажу комнаты были обставлены довольно скудно.

– Кумары сделали какое-нибудь предложение?

– На двадцать тысяч больше запрашиваемой суммы и платят наличными. – Эмили произнесла эти слова так, словно сделка сорвалась.

Алекс двинулась за сестрой вниз по лестнице в подвал, все еще недоумевая, зачем той понадобилось приносить сюда мешок с мусором.

– Что тебя беспокоит? – Алекс старалась не отставать. – С домом что-то не так?

Алекс надеялась, что проблема в здании, потому что эмоциональный кризис Эмили означал кризис и для нее самой.

– погоди, – отмахнулась та.

Подвал оказался недостроенным, но довольно чистым, с серым бетонным полом, гладким и ровненьким, будто ка-ток. Эмили поспешила в угол, где развязала мешок и, по все еще неведомым Алекс причинам, принялась вываливать его содержимое на пол. Высыпались обертки и смятые упаковки, размокшие от кофейной гущи, скомканные бумажные полотенца и пластик, которые следовало бы сдать на переработку.

– Эмили, боже мой! – воскликнула Алекс. – Что, черт возьми, ты творишь?!

Эмили не ответила. Она была слишком занята копанием в мусоре, как будто пыталась найти в нем что-то ценное. В конце концов она выпрямилась, держа в руках – что бы вы думали?! – банановую кожуру.

– Этого хватит, – произнесла она, оставила беспорядок на полу и побежала обратно вверх по лестнице, заставляя Алекс броситься за ней.

– Эмили, стой! – закричала Алекс, обращая мольбу в спину сестре. – Что с тобой происходит?

Вслед за Эмили Алекс очутилась в ярко освещенной гостиной.

Поднявшись на цыпочки, Эмили тянулась, чтобы отце-

пить полированный металлический карниз для штор от настенного держателя. Она начала отвинчивать крышку, не выпуская из рук банановую кожуру.

– Эмили, милая, – сказала Алекс гораздо более мягким тоном, – мне нужно вызвать «Скорую»? Ты что, с ума сошла?

Эмили была слишком занята возней с торцевой крышкой карниза для штор, чтобы ответить. Как только та поддалась, она попыталась засунуть банановую кожуру в полый стержень, но безуспешно.

– Черт возьми! – рявкнула она. – Креветки подошли бы идеально, но у меня их нет. Мне нужно сходить в магазин.

– С какой стати тебе понадобилось засовывать креветки в карниз для штор? – спросила Алекс. – Для чего бы ты это ни делала, тебе нужно прекратить прямо сейчас и поговорить со мной.

Эмили упала на деревянный пол, ее била дрожь. Карниз для штор с грохотом откатился в сторону. Она уронила банановую кожуру себе на колени и закрыла лицо руками.

– *Это* случится снова, – простонала Эмили. – Я чувствую. Алекс прекрасно понимала, что значит *это*. Она также могла догадаться, что Эмили задумала с мусором.

– Ты пытаешься саботировать эту продажу? Твою продажу?

Эмили мрачно кивнула.

– Я прочитала в Интернете историю о женщине, которая перед тем, как съехать, положила несколько креветок внутрь

карнизов для штор в своем бывшем семейном доме. Никто не мог найти источник зловония, и он свел жильцов с ума.

– О, Эм, – тяжело вздохнула Алекс.

– Я хотела оклеить стены мокрым картоном, чтобы попытаться вырастить черную плесень, но не думаю, что у меня хватит времени до следующего осмотра. У меня всего три дня!

Алекс опустилась на пол и обняла сестру за плечи.

– Ты совершенно не в себе, понимаешь?

– Понимаю, – призналась Эмили. Однако, казалось, ее это не волновало.

– Это из-за Мэнди Кумар, не так ли? – На лице Алекс отразилась смесь сочувствия и любви.

– В свое время я видела томные взгляды, – нахмурилась Эмили. – Но глаза Кена буквально вылезли из орбит. Я имею в виду, что согласна – Мэнди хорошенькая и у нее отличная фигура, надо отдать ей должное, но я не ожидала, что мне понадобится чашка, чтобы собрать слюни моего мужа.

– Ты уверена, что не преувеличиваешь? – спросила Алекс, хотя прекрасно знала ответ.

– Что еще хуже, Мэнди тоже без ума от Кена, – продолжала Эмили.

– Кен действительно красив. У многих женщин такая реакция на него, но это ничего не значит.

Выражение лица Эмили омрачилось еще больше.

– Я знаю разницу между обычным взглядом восхищения

и чем-то большим – и это было нечто большее.

– Мне кажется, ты устраиваешь бурю в стакане, – попыталась успокоить ее Алекс. – Может быть, они работали вместе или что-то в этом роде? Может, он просто узнал ее, и всё.

– Я уже спрашивала его об этом, и он сказал «нет», определенно нет. Даже если так, то они обязательно упомянули бы об этом в разговоре, верно? Вместо этого Кен воспользовался моим вопросом как возможностью прочитать мне лекцию о моей ревности. Мне все равно, что он говорит. Это случится снова, и это случится между ним и Мэнди. Я это нутром чую.

– Кен и Мэнди?

– Да, Кен и Мэнди! – прорычала Эмили. – У меня такое же чувство, как и тогда.

Тогда. Алекс не нуждалась ни в каких разъяснениях.

– Ты не можешь знать наверняка, – заметила она.

– Я знала, что он спит со своей секретаршей. Поняла, стоило ему сказать мне, что он не стал бы делать что-то настолько банальное, что он как раз делает что-то настолько банальное.

– Пятнадцать лет прошло. С тех пор у вас все было хорошо. Ты справилась с этим.

– Лжец однажды – лжец навсегда, – произнесла Эмили.

Алекс поднялась на ноги, потянув сестру за собой. Она положила руки ей на плечи, чтобы Эмили не могла спрятаться от ее пристального взгляда.

– Милая, – произнесла Алекс тоном, исполненным сочувствия. – У вас с Кеном сейчас все хорошо. Ты проделала тяжелую работу и выкарабкалась.

Это было правдой. На это ушло полтора года усилий, но Эмили и Кену удалось оправиться от его измены. Это был болезненный процесс для обоих, требовавший смирения, поиска компромисса и абсолютной честности. У Кена не было другого выбора, кроме как уволиться с работы, продать дом и переехать. Именно поэтому Эмили стала жить на одной улице со своей сестрой.

Когда о романе Кена стало известно, никто не убеждал Эмили оставаться с ним, включая Алекс. Эмили пришла к этому решению после продолжительной терапии. Испытывая угрызения совести, Кен согласился передать жене свой телефон и пароли от учетной записи и умолял о втором шансе. Потребовались долгие месяцы, чтобы восстановить доверие и вернуть браку стабильную основу.

По крайней мере Алекс так считала.

– Один взгляд не должен тебя настолько расстраивать. – Алекс подняла банановую кожуру, и запах гниющего фрукта зашекотал ей нос.

Эмили закатила глаза, как это сделала бы Летти.

– В самом деле?! Ты что, правда ничего не заметила?!

Алекс нахмурилась, жалея, что честность – лучшая политика.

– Ладно, я действительно кое-что видела, – призналась

она. – Но я не могу сказать, что это было нечто большее, чем какая-то внезапная химия.

– Для меня этого достаточно, чтобы саботировать сделку.

– Разве ты не давала какую-нибудь профессиональную клятву или что-то в этом роде?

– Мы даем обещание. Не думаю, что это одно и то же.

– Это вроде как одно и то же. И, к тому же то, что ты здесь творишь, вполне может быть незаконным. Так что я иду домой за метлой, мы уберем этот беспорядок вместе. А ты пока верни на место карниз.

– Хорошо, – согласилась Эмили. Казалось, она успокоилась и пришла в себя, точно внезапно нагрянувший шторм налетел и прошел. – Просто пообещай мне, Алекс, пообещай, что не будешь мне лгать. Если ты что-то увидишь, скажи об этом, хорошо? Мне требуется собственная система безопасности. В этой борьбе я не выдержу еще одного раунда.

Алекс было трудно воспринимать свою сестру как взрослую. Вместо этого она увидела Эмили через призму воспоминаний, тем самым проблемным подростком, способным сорваться и совершить нечто безумное, например разбросать мусор в доме, продажей которого она занималась.

– Конечно, – проговорила Алекс, зная, что доказательства измены Кена должны быть неоспоримыми, чтобы она могла сдержать данное обещание.

Глава 5. Летти

Из окна своей спальни я наблюдаю за приближающимся грузовиком. Очень большим грузовиком! Хотя стоит признать – дом тоже не маленький. Серебристый «Лексус» останавливается у подъездной дорожки, и из него появляется Самир Кумар. Он одет так, словно собрался поиграть в гольф: в брюки цвета хаки и симпатичную рубашку на пуговицах с короткими рукавами. Мужчина идет по своей новой дорожке, уперев руки в бока, оглядываясь по сторонам, а затем в смятении качает головой. У меня такое чувство, что он не может до конца поверить, что купил это место.

У Мэнди Кумар абсолютно противоположная реакция. Она нетерпеливо выскакивает из машины, будто в школе только что начались летние каникулы, и сама выглядит очень по-летнему в небесно-голубом платье, с солнечным пучком светлых волос, собранных в тугой хвост.

Я задаюсь вопросом: а что же Джей? Заинтересовала ли его покупка нового дома настолько, чтобы он появился в день переезда? Хотя, возможно, я надеюсь, что его достаточно заинтересовала моя персона, чтобы сегодня он был здесь. Мы не обменялись телефонами, но я нашла его в Интернете. И пусть у меня не хватило смелости отправить приглашение в друзья, это не значит, что я выбросила его из головы.

Обуреваемая этими мыслями, я замечаю сверкающий синий «Субару», который мчится по Олтон-роуд слишком быстро для мамочек нашего квартала. Машина резко тормозит рядом с «Лексусом». Мгновение спустя из нее выходит Джей. Мое сердце замирает.

Моими самыми ранними увлечениями были диснеевские принцы, и когда Джей, высокий и худощавый, с важным видом подходит к своим родителям, в нем определенно есть нечто от царственного персонажа. Он останавливается рядом с отцом, они над чем-то смеются, и это меня удивляет. У меня сложилось впечатление, что Джей считает себя глубоким разочарованием для своих родителей, и в этом мы с ним схожи. Интересненько.

Через несколько мгновений он уже помогает разгружать машину. Это кое-что говорит о его характере. Может означать, что он не ленив, но с другой стороны, его выгнали из колледжа. Что, если дело было не в его оценках? Я вспоминаю о его словах, сказанных в день вечеринки, – о том, что мстью можно наслаждаться. Интересно, он пришел к такому выводу, основываясь на личном опыте?

Слово «мсть», конечно же, навеивает мысли о Райли Томпсон. Если кто-то и заслуживает возмездия, так это Райли, и не только потому, что она сдала меня как школьного вандала. На самом деле я не один раз становилась жертвой ее жестокого сердца.

Из моего окна видно окно спальни Райли. Было время,

когда мы общались с помощью азбуки Морзе, используя для этого свет в наших комнатах. Тогда я наивно полагала, что наша дружба будет длиться вечно. Затем началась средняя школа, а вместе с ней и издевательства Райли.

Оглядываясь назад, я понимаю, что не должна была удивляться такому повороту событий. Мы стали друзьями только из-за близости домов, а не из-за личных качеств. Мы были одного возраста и пола и являлись единственными детьми в своих семьях, и как следствие Райли и я были втянуты в жизнь друг друга.

В течение нескольких лет мы оставались неразлучны. Райли была моей лучшей подругой, моим неизменным компаньоном по раздаче сладостей. На Хэллоуин мы всегда надевали парные костюмы. В нашей последней комбинации я была бейсбольным мячом, а она – битой. Как иронично! В один год мы рука об руку ходили от дома к дому, собирали столько конфет, сколько могли унести, а на следующий я стояла у входной двери Райли без нее, потому что она бросила меня ради новой крутой компании. В том году Уиллоу положила в мою наволочку несколько дополнительных упаковок с Reesés Pieces⁹. Я выкинула их в мусорное ведро.

Конечно, мне было больно, но что я могла поделать? Райли нашла новых друзей, все они были популярными девушками, которые никогда не признали бы меня «своей». Я неправильно одевалась, не интересовалась вещами, на ко-

⁹ Конфеты на основе арахисовой пасты.

торых они были зациклены, и меня не заботило, кто из мальчиков чем занимается. Уже тогда я начала больше думать о вырубке лесов, чем о блеске для губ и модных легинсах.

Начало конца наступило, когда Райли перестала здороваться со мной в школе. На девичьем языке молчание – это, по сути, формальное объявление войны. Быть проигнорированным – это одно, с таким справиться я могу. Но как только Райли начала действовать в соответствии с «менталитетом стаи», когда она и ее соратники изолировали меня, я превратилась из человека в добычу. Это был первый раз в моей жизни, когда я испытала настоящий стыд.

О, конечно, в школе нам читали множество лекций об ужасных последствиях издевательств. Фразы вроде «поддерживайте друг друга», «проявляйте сострадание», «расширяйте возможности друг друга», «выбирайте доброту» и бла-бла-бла вбивались в нас, начиная с сентября, но Райли и ее команда были невосприимчивы к старой поговорке: «Если не можешь сказать ничего хорошего, не говори ничего вообще».

Парни-задиры, как правило, бьют или пихают, но девушки куда коварнее. Они эмоциональные ниндзя, наносящие незаметные раны, которые вы не видите и не чувствуете до тех пор, пока не истечете кровью и не окажетесь на грани социальной смерти.

Райли и ее банда установили за мной тайное наблюдение – ждали, высматривали, надеялись, что я сделаю неверный

шаг. Мне не потребовалось много времени, чтобы дать им то, чего они хотели. Оказалось большой ошибкой, что я была любезна с учеником, стоявшим близко к нижней ступеньке школьной социальной иерархии. Мальчика звали Мэтью Бёрд¹⁰ – довольно приятный парень, но у него не было фирменной одежды, спортивных навыков или подходящих друзей, которые сделали бы его популярным. Зато у него была непослушная копна темных волос, за что он получил прозвище «Птичье гнездо».

После того, как Мэтт однажды помог мне с заданием по математике, когда я пропустила школу, я невинно отплатила ему тем же. Думаю, Райли видела нас вместе в библиотеке. Этого оказалось достаточно. Уже на следующий день нас назвали «голубками», и я получила свое новое прозвище – Клуша Летти. То, что клуша – вид чаек, делало насмешку одновременно жестокой и умной. Идеальное сочетание.

Я помню, что ела на обед в тот день, когда впервые услышала свое прозвище, это была пицца, зеленая фасоль и маленькая упаковочка яблочного пюре. Все из-за травмы. Она гарантирует, что вы вспомните каждую болезненную деталь иницирующего ее события, чтобы оно могло укорениться в вашей душе и жить там вечно. «Клуша Летти» и «Птичье гнездо» за одну ночь стали сенсацией в средней школе Мидоубрука. Полетели шутки. Поняли – полетели? Ты приземлилась рядом с Мэттом за ланчем? Переезжаете на юг на ка-

¹⁰ Бёрд (англ. Bird) в переводе означает «птица».

никулы? В школе кто-то даже подложил кучу веток мне под парту. Ладно, я признаю, что это было довольно забавно. Девушки говорили, что им нравятся мои перья, когда имели в виду мою одежду. Я поймала себя на том, что смеюсь вместе с ними, думая, что если смогу реагировать на их шутки именно так, то они не причинят мне сильной боли.

Не сработало.

Не все избегали меня, вероятно, это и спасало. Ребята из театрального кружка всегда были приветливы, и у многих из них были разносторонние интересы, что способствовало и моей активности. Я никогда не переставала дружить с Мэттом Бёрдом, но он уехал в начале восьмого класса. С тех пор я ничего о нем не слышала. Полагаю, у него с Мидоубруком связаны болезненные воспоминания, поэтому не сержусь на него за то, что он исчез.

С уходом Мэтта шуткам с птицами пришел конец, слава богу, но к тому моменту лед между мной и Райли стал намного толще.

И вот однажды случилось чудо. Она пригласила меня пройтись по магазинам с ней и ее друзьями. Я не могла бы быть более счастливой. Мне не нравилась роль изгоя, а приглашение казалось искренним. Я решила, что мои худшие дни, вероятно, остались позади.

Когда мы выходили из магазина, в котором продавались блестящие штучки, перед которыми девочки-подростки не в силах устоять, я услышала громкий звуковой сигнал: бип,

бип. Что-то включило сигнализацию магазина. Следующее, что я помню, – это то, как кассирша выскочила из-за прилавка, чтобы преградить нам путь. Появился менеджер и потребовал, чтобы мы показали наши рюкзаки. Мы сделали, как нам было велено, и я была ошеломлена, точнее – в ужасе, обнаружив в своем рюкзаке три предмета, которые я определенно туда не клала.

Следующее, что я помню, менеджер позвонил в службу безопасности торгового центра, а они – моим родителям. По дороге домой я рыдала так, словно меня собирались отвезти в тюрьму, и не переставала клясться, что ничего не брала. Я настаивала на том, что одна из девочек положила эти вещи в мой рюкзак в качестве розыгрыша, но мои родители сначала мне не поверили. Они предположили, что я пыталась произвести впечатление на группу новых друзей.

В итоге мама, а не папа, дала мне шанс доказать свою версию. Она предъявила Уиллоу обвинение. Позже тем же вечером Райли стояла на пороге моего дома и плакала. Я и раньше слышала выражение «крокодиловы слезы», но внезапно оно приобрело реальный смысл.

Небольшого давления со стороны ее мамы было достаточно, чтобы Райли раскололась, как Шалтай-Болтай. Мое наказание было немедленно отменено, а вот Райли, наоборот, досталось по полной. Ей даже пришлось написать мне письмо с извинениями.

После этого в школе все изменилось. Райли и ее друзья

остались враждебной кликой, но держались от меня подальше. Шутки, как и издевательства, прекратились. У меня были свои друзья, у Райли – свои. Последовало холодное перемирие, длившееся долгие годы. В конце концов я снова заговорила с ней, но только после того, как она и мой двоюродный брат Дилан начали встречаться. Он не внял моим мольбам.

Теперь, размышляя о недавних событиях, я готова поспорить, что Райли не оставила прошлое в прошлом. Узнав мое родимое пятно на фотографии с камеры наблюдения, она увидела возможность для небольшого возмездия. Вся эта история с президентом школьного совета просто дала ей хорошее прикрытие, чтобы сдать меня. И я уверена, она знала, признаваясь в этом Дилану, что он мне расскажет. В конце концов, мы семья. Нет, Райли хотела, чтобы мне стало известно имя крысы.

Волна гнева захлестывает меня при воспоминании ее самодовольной улыбки, когда она рассказала школьной администрации все, что знала. Из-за нее мне пришлось пережить позорное отстранение от занятий в школе, что может повлиять на мои перспективы в колледже! Конечно, я была неправа, портя школьную собственность, но этот дресс-код совершенно нелеп. Нужно было что-то делать. Если бы я хоть на секунду подумала, что у Райли благородные мотивы, я могла бы все это забыть. Но поскольку Райли затаила обиду, то какое, к черту, благородство? Это была расплата. Что ж, рас-

плата – это дорога с двусторонним движением, сучка! Я выхожу на улицу, пересекаю Олтон-роуд и направляюсь туда, где Джей переносит коробки из машины в дом. Его родителей поблизости нет, так что мы можем поговорить наедине.

Джей подходит с важным видом, широко улыбаясь, демонстрируя ямочки на щеках.

– Как дела, Летти? – спрашивает он. – Рад снова тебя видеть.

Встретиться с ним взглядом оказалось труднее, чем я думала.

– Да ничего, – отвечаю я. – Как продвигается переезд?

– Хорошо, – говорит Джей.

Ну что ж, я не ожидала, что разговор на этом закончится. Не понимаю, куда подевалась моя уверенность в себе? Иррационально, но я виню во всем игру в вышибалы в четвертом классе. Меня беспокоит выражение моего лица, которое говорит о том, что я такая же мрачная и задумчивая, как и моя одежда, или что еще хуже – на мне тот же наряд, что и в день вечеринки.

Я делаю глубокий вдох. На выдохе наконец обретаю дар речи.

– Помнишь, ты говорил о том, что месть – это то, чем можно наслаждаться?

– Конечно, – кивает Джей, в его глазах пляшут лукавые огоньки.

– Думаю, мне понадобится твоя помощь кое в чем.

Улыбка Джея становится шире, обретая слегка зловещие оттенки. Я чувствую озноб, несмотря на теплый день.

– Рад, что ты обратилась ко мне, Летти, – говорит он. – С удовольствием помогу.

– Итак, с чего начнем? – спрашиваю я.

Джей не задумывается ни на секунду:

– Сначала мы должны узнать о твоей соседке все что сможем: куда она ходит, чем занимается, с кем общается и тому подобное.

– Зачем?

– Потому что у каждого есть секреты.

День поминовения (наши дни). Страница онлайн-сообщества Мидоубрук.

Росс Вайнбрэннер

Я предлагаю поработать в обратном направлении и выяснить, кого арестовали.

Лора Боллвелл

Может просто позволим полиции делать свою работу?

Сюзанна Хортон

Как насчет того, чтобы не указывать другим, что делать, потому что, знаете ли, «Америка».

Кристина Додди

Все это так странно. Я имею в виду – в Мидоубруке не бывало убийств.

Ответ от Росса Вайнбрэннера

Что ж, теперь есть, Кристина Додди. У кого на этой улице были проблемы в браке? Вот с чего я бы начал поиски. Тебя всегда подводит самый близкий тебе человек.

Ответ от Эда Каллахана

Это «Отчаянные домохозяйки из Мидоубрука»? Ха-ха!

Ответ от Джанет Пинкхэм

О, как я люблю этот сериал! Он еще идет? Они снимают у нас?

Ответ от Эда Каллахана

Джанет Пинкхэм, пожалуйста, примите свои таблетки.

Росс Вайнбрэннер

Я серьезно. Напряженный брак подобен пропитанной бензином стопке дров. Все, что нужно – одна маленькая искра, и все вспыхнет. Итак, у каких пар на Олтон-роуд были проблемы в браке?

Ответ от Кристины Додди

Проще сказать, у кого их не было.

Лето

Глава 6

Ясным утром во вторник Алекс шла по Олтон-роуд после двухмильной прогулки. Зои семенила рядом с гордым выражением на морде, виляя хвостом и свесив язык.

Алекс знала, что ей необходим свежий воздух и физические упражнения, но вместе с тем чувствовала давление своего плотного графика. Это Летти должна была вывести Зою на прогулку, однако Алекс была не в настроении спорить с дочерью. Вспомнилась критика Ника по поводу того, что она позволяла Летти слишком много. Алекс не нуждалась в советах «кабинетного родителя». Сам Ник тоже мог бы надавить немного сильнее, но зачем создавать трения с дочерью, когда ответственность можно переложить на кого-то другого.

Ну что ж. Поскольку именно ей пришлось выгуливать Зою, Алекс решила извлечь максимум пользы из этой прогулки, благодаря которой у нее появилась редкая за целую неделю возможность в буквальном смысле остановиться и понюхать розы. Несколько ее соседей были опытными садоводами, поэтому она не торопилась, любуясь ослепительным разнообразием цветов, которые прорастали из неверо-

ятно крошечных семян.

Сегодняшнее утро ознаменовало начало еще одного безумного дня, который включал в себя довольно спорное дело о разводе – на этот раз с участием отца, позволившего своей тринадцатилетней дочери разъезжать на его машине по кварталу. Остановившись перед пышной клумбой, наслаждаясь простым процессом вдыхания насыщенного аромата лилий, она, пусть всего на мгновение, забыла о том, что мир полон неверных решений.

Выбор Алекс нового карьерного пути не входил в их число. Три года назад, будучи семейным адвокатом, она дошла до критической точки. Это было сложно, и подготовка к суду сделала Пепто-Бисмол¹¹ ее лучшим другом. Переход на должность посредника при разводе превратил Алекс в более добрую, терпеливую, менее измотанную версию самой себя.

Ей нравилось изучать юриспруденцию, но заниматься юридической практикой было совсем не то же самое, что находиться в классе. Теперь вместо того чтобы пытаться победить, заставить своих оппонентов подчиниться, заключить выгодную сделку для своих клиентов, она сосредоточилась на том, чтобы обе стороны чувствовали себя и победителями, и проигравшими. Так зачем же в таком случае, спрашивала себя Алекс, ей ночью понадобилось вино? Был ли Ник прав насчет того, что уход Летти через год вызвал какие-то

¹¹ Препарат, используемый для лечения изжоги, нарушения пищеварения и расстройства желудка.

скрытые эмоции? Или она боялась того, на что может быть похожа жизнь родителя без ребенка в доме?

Они с Ником годами говорили о том, что будут делать, когда освободятся от повседневных родительских обязанностей. Однако теперь, когда они находились в затяжной ссоре, огрызались друг на друга, испытывали недостаток любви, тепла и т. д., идея проводить больше времени наедине с мужем казалась ей менее привлекательной. Неужели они идут по пути ее клиентов? Алекс до недавнего времени так не думала. В эти дни Ник был очень встревожен, но, возможно, он, как и Алекс, переживал, что скоро его единственный ребенок вылетит из гнезда.

В конце концов Алекс оказалась перед домом Кумаров. Зои подняла ногу, отмечая свою территорию на великолепном, пышно цветущем розовом кусте. Кратковременный покой, которым наслаждалась Алекс, вскоре уступил место мыслям об Эмили, вызвав новые опасения по поводу того, как ее сестра приспосабливается к присутствию Мэнди Кумар по соседству. Запаха креветок не чувствовалось, это уже был хороший знак.

Насколько Алекс знала, с того дня, как Кумары переехали сюда, все было тихо. Это не означало, что Эмили чувствовала себя спокойно. Проблема с изменниками заключалась в том, что они были изворотливы, как ужи, и умели незаметно проворочивать свои скользкие дела. А Кен, по крайней мере на каком-то этапе своей жизни, был настолько змеопо-

добен, насколько это возможно.

– Алекс, у тебя найдется минутка? – Встревоженный голос Уиллоу Томпсон ворвался в мысли Алекс. Женщина пересекла улицу и сразу же перешла к сути: – Мне нужен твой совет. Я заметила, что с текущего счета снимаются большие суммы наличных, и я начинаю паниковать.

Алекс переключилась в профессиональный режим, словно супергерой, надевающий плащ.

– Ты официально подала на развод?

На лице Уиллоу отразилось смущение.

– Я собиралась, но Эван продолжает настаивать, чтобы мы подождали до конца следующего учебного года. Меньше потрясений для Райли, говорит он.

Алекс сумела сдержать стон, думая при этом: «Как вроде бы умные люди могут быть такими тупыми?»

– Думаю, я могу понять его точку зрения, – произнесла Алекс размеренным тоном. – Но воздержаться даже от подачи документов? – Она выглядела сбитой с толку. – Это вносит неразбериху в финансовые отношения – и это только начало. Вам обоим нужно установить четкие границы и начать все планировать. Ты связывалась с кем-нибудь из юристов, которых я рекомендовала?

– Пока нет, – призналась Уиллоу. – Я собирался это сделать, но кое-что помешало.

Что сейчас может быть важнее этого?! Алекс хотелось закричать.

– Послушай, милая, я не пытаюсь тебя напугать. – Алекс положила руку на плечо Уиллоу. – Но тебе нужен кто-то, кто всегда будет на твоей стороне, кто будет бороться за тебя, когда возникнут проблемы.

– Так он может просто снимать деньги со счета? – спросила Уиллоу, будто не слышала ни единого слова из того, что только что сказала Алекс.

– Пока ты не подашь заявление и не будут приняты судебные решения, ничто не мешает вам обоим использовать деньги на ваших совместных счетах. Я не понимаю, почему бы тебе просто не нанять адвоката и не подать заявление. Ты даже можешь подать его без адвоката. Все, что тебе нужно, – это бланки и нотариус, которым я, кстати, являюсь. Я с радостью помогу тебе, это действительно не проблема.

Уиллоу казалась неуверенной. У Алекс не было времени убеждать ее.

– Не думаю, что мне следует это делать, – сказала Уиллоу, немного подумав. Ее бегающий взгляд и напряженное выражение лица говорили о том, что она не все рассказала. – Эван угрожает мне брачным контрактом. Сначала он разумно относился к деньгам, сказал, что понимает мою ситуацию, ценит то, чем я пожертвовала ради нашей семьи, но когда я сейчас спросила про деньги, он взбесился. Ты не поверишь, как он разозлился.

Алекс видела брачный контракт Уиллоу достаточно много раз, чтобы частично запомнить его. Студент второго кур-

са юридического факультета мог бы сказать, что эта чертова штука была железной. Состоятельная семья Эвана позаботилась об этом. Уиллоу не следовало подписывать его, но юная любовь и наивность сочетаются так же хорошо, как печенье с молоком.

– О, дорогая, мне так жаль. – Алекс сжала руку своей соседки. Она не таила обиды ни на Уиллоу, ни, собственно говоря, на Райли. Вся эта дребедень со школьными разборками осталась в прошлом, и в сердце Алекс было достаточно места для сострадания.

Алекс часто забывала, какой молодой была Уиллоу по сравнению с остальными мамами на Олтон-роуд. Райли семнадцать, столько же, сколько Летти, а это означало, что Уиллоу было всего двадцать, когда родилась ее дочь. Насколько Алекс знала, Уиллоу так и не получила диплом. Поэтому найти работу, которая позволяла бы выплачивать ипотеку в Мидоубруке, было непросто.

Но Эван справлялся. Он хвастался своими семейными деньгами так, как будто сам их заработал. Насколько он был старше Уиллоу? На пять лет? Шесть? Алекс знала, что Уиллоу училась в колледже, а Эван уже был профессиональным фотографом, когда они встретились на художественной выставке. Как бы то ни было, он должен быть благодарен Уиллоу. Она всю себя посвятила Райли, пока он мотался по всему миру из-за своей гламурной работы.

– Итак, каков вердикт, может ли он так делать? Просто

брать деньги? – спросила Уиллоу, нахмурив брови.

Алекс показалось, что она выглядит скорее обеспокоенной, чем сердитой.

– О какой сумме идет речь?

– Я бы сказала – лишняя тысяча.

– В месяц?

– В неделю, – уточнила Уиллоу.

– Господи, – пробормотала Алекс. Если бы у нее завалилась лишняя тысяча, она отправила бы на счет обучения Летти в колледже, а не какой-нибудь привлекательной модели, на которых, вероятно, Эван и тратил свои деньги. – Заявление. Сейчас же, – настаивала Алекс. – Ты не останешься без средств к существованию.

Уиллоу покачала головой:

– Этой зимой Райли исполняется восемнадцать, и брачный контракт ограничивает размер алиментов пятнадцатью сотнями в месяц. Я не смогу жить в Мидоубруке на такие деньги, ты вообще видела нынешние цены на аренду? Вероятно, мне понадобится соседка по комнате. Представь себе объявление на Craigslist¹²: тридцатисемилетняя разведенная женщина ищет некурящую соседку по комнате, терпимую к кошкам, потому что ее озлобленный, инфантильный, вороватый бывший муж, любитель шлюховатых моделей, поступил с ней nepopядочно после того, как она восемнадцать

¹² Сайт электронных объявлений, пользующийся большой популярностью в США.

лет была его преданной женой. Я уверена, что мой почтовый ящик будет завален ответами.

– Уиллоу, у тебя нет кошки, – возразила Алекс, пытаюсь немного разрядить момент.

– Пока нет. Это на будущее. Я не сомневаюсь, что мне понадобится эмоциональная поддержка.

– Как насчет того, чтобы переехать к Брук на время? Она одинока. Я уверена, она была бы рада компании.

– Брук Бейли? – Уиллоу произнесла это так, словно никогда не встречала свою соседку. – Она слишком совершенна, слишком великолепна, и я буду чувствовать себя неполноценной. И кроме того, она не одинока, она вдова. Есть разница, и... Ну, ты знаешь.

В голосе Уиллоу появились мрачные нотки, а ее бровь приподнялась – оба едва уловимых намека на давний слух среди соседей о том, что случайная смерть Джерри Бейли была не такой уж случайной, и роль скорбящей вдовы, возможно, была для Брук чем-то вроде спектакля.

– Возможно, тебе придется устроиться на работу, – продолжила Алекс. – Райли собирается поступать в колледж. Сейчас самое подходящее время для знакомства с Уиллоу 2.0.

Уиллоу откинула голову назад и издала сардонический смешок:

– Я обязательно добавлю побольше карамели в твой макиато.

– До этого не дойдет, – отмахнулась Алекс, отмечая про себя, что до этого вполне может дойти.

– Ты, как всегда, была потрясающей. – Уиллоу приблизилась, чтобы быстро чмокнуть Алекс в щеку. – Спасибо за совет. Я сообщу, чем всё закончится.

Развернувшись на каблуках, Уиллоу поспешила домой, где, как подозревала Алекс, она не станет делиться с Эваном своими опасениями или звонить адвокату.

Алекс продолжила путь и, проходя мимо особняка Кумаров, уловила сзади странный шелестящий звук. Зои тоже услышала его и предупредительно рывкнула. Повернувшись, Алекс сосредоточила взгляд на роце в дальнем конце лужайки за жилищем Кумаров. Она ожидала увидеть какое-нибудь животное – скорее всего, оленя, но, к ее удивлению, вдалеке мелькнула, несомненно, фигура человека, явно крадущегося со двора Кумаров в лес,двигающегося, как спецназовец на ночном задании.

Сердце Алекс пропустило несколько ударов при мысли о том, что поблизости может быть грабитель, но вскоре смятение сменилось страхом. Даже несмотря на приличное расстояние, она могла сказать, кто крадется по тропинке, проходившей за домом Кумаров и ведущей к частному озеру в четверти мили отсюда.

Это был ее шурин, Кен Эдер.

Глава 7. Летти

С тех пор как Джей предложил помощь в разработке плана мести Райли, от него не было никаких вестей. Мне интересно, что такого он готовит? И если честно, я нервничаю из-за этого. Не хочу предпринимать ничего слишком радикального – просто намереваюсь слегка отплатить, чтобы чувствовать себя лучше в моем нынешнем положении.

Находиться под домашним арестом целых шесть недель, как раз в начале лета! Это похоже на пожизненное заключение. Я никогда особо не задумывалась о практике изоляции людей, пока это не затронуло меня лично. И это довольно иронично, учитывая тот факт, что в комитете по климатическому кризису мы обсуждали проблему такого ограниченно-го мышления. Пока вокруг вашего дома не разбухнет пожар, не поднимутся паводковые воды или не высохнет колодец, изменение климата не кажется такой уж большой проблемой. А потом вдруг – БАЦ! – ты попал.

И прямо сейчас попала я – одинокая, лишённая общения, жалеющая себя, сходящая с ума от скуки, впервые в жизни задумавшаяся о бедственном положении заключенных. В каком-то смысле мне кажется, что я наткнулась на метафорическую кирпичную стену. В одну минуту я мчусь на полной скорости, заканчивая выпускной класс на высокой ноте, делаю один абсолютно безобидный выбор детали гардероба

и внезапно оказываюсь запертой, как Квазимодо.

Конечно, я сплю на плюшевом матрасе, а не на полу в колокольне, но ощущение изолированности и одиночества от этого не меньше. По крайней мере, мне так кажется. Я провожу свои дни в окружении одних и тех же голосов, одних и тех же звуков и запахов, не говоря уже об очевидной напряженности в отношениях между моими родителями. Я уловила фрагменты их споров. Не уверена, что до конца понимаю их смысл, но то, что мама покупает вино в пластике, не может быть хорошим знаком.

По крайней мере, мои друзья поддерживают меня, точнее – поддерживали. Они отмечали меня на «СВОБОДУ ЛЕТТИ» мемах, которые распространялись в социальных сетях, присылали мне забавные сообщения и короткие видеоролики с парковки Target, где большинство собираются в пятницу вечером. (В Мидоубруке нечем увлечься и особо нечем заняться).

«Мы любим тебя, Летти! – кричали они хором в камеру. – Нам тебя не хватает! Возвращайся скорее!»

Спустя какое-то время это им наскучило, и послания прекратились. В последнее время я почти ничего о них не слышу. В одну минуту ты герой школы, любимый мститель, олицетворение свободы слова, а в следующую – вчерашний модный хэштег.

Все это возвращает меня в мою спальню, где я смотрю в окно, ожидая в любой момент увидеть Джея Кумара, про-

езжающего по улице. Неужели я одержима им? Разве что слегка. Но я не прям одержима-одержима. В смысле, я бы не шпионила, если бы не моя изоляция.

Я так часто наблюдала за ним, что заметила в его действиях определенную закономерность. Каждое утро, около половины одиннадцатого, он уезжает и возвращается через двадцать минут с кофе и выпечкой из «Старбакса».

Вот почему я выглядываю из своего окна в 10:45 утра и жду, когда он появится. И действительно, слышно, как по Олтон-роуд едет машина, и неудивительно, что это его «Субару». Автомобиль останавливается, Джей выходит из него, держа в одной руке стаканчик с кофе, а в другой коричневый пакет. Что он предпочитает – датское печенье или маффины? Это основной вопрос, над которым я размышляю, по сути, шпионя за своим новым соседом.

Я сопротивлялась желанию отправить ему сообщение с тех пор, как мы обменялись номерами. Не хочу казаться отчаявшейся, хотя так оно и есть... ну, совсем немного. Джей, наверное, совсем забыл и обо мне, и о моей жажде мести.

Как только я об этом задумываюсь, он поднимает взгляд к моему окну и слегка машет рукой. Я не могу устоять перед желанием пригнуться, точно прячусь от копов. Ложусь плашмя на своей кровати, тяжело дыша, боясь снова выглянуть в окно.

Тут звонит мой телефон. Поднимаю его, не меняя своего положения. Это Джей. Черт. Я отвечаю.

– Привет, Летти, – говорит он. – Свалилась со своего на-
сеста? – У меня совершенно пересыхает в горле. Как будто
я потеряла способность говорить. – Почему бы тебе не вый-
ти? Нам нужно поговорить. – продолжает он.

– Хорошо, спущусь через минуту.

– У меня есть лишний круассан, если хочешь.

Любитель круассанов? Никогда бы не подумала.

Я мчусь вниз по лестнице. Выйдя на улицу, щурюсь от
утреннего солнца, шагая по выложенной красным кирпичом
дорожке, одновременно сожалея, что не надела солнцеза-
щитные очки и более симпатичный наряд. Однако времени
что-то менять уже нет.

– Ты все еще под домашним арестом? – спрашивает Джей.

– Ага, – отвечаю я, оценивая идеальное сочетание его рас-
трепанной шевелюры и чистой смуглой кожи.

Джей достает из кармана джинсов свой вейп, предлагает
его мне, но я качаю головой.

– О, я забыл, – картинно спохватывается он. – Ты же не
куришь.

Я чувствую прилив возбуждения, наблюдая, как он заты-
гивается.

– А твои родители не возражают? – Я указываю на облако
пара. – Типа есть более полезные варианты завтрака.

Его лицо светлеет, но он не то чтобы смеется. Внезапно
я чувствую себя довольно маленькой.

– Они? – Он указывает большим пальцем за спину, в сто-

рону своего дома. – Они возражают всегда, что бы я ни делал.

– Да, – многозначительно киваю я, будто у нас очень много общего. Хотя быть наказанным – это не совсем то же самое, что быть выгнанным из колледжа. – Как тебе наш район? – спрашиваю я, ненавидя дрожь в своем голосе.

– То же самое дерьмо, но на другой улице, – говорит он после очередной затяжки. – Думаю, моему отцу здесь немного хуже.

– Хуже?! В смысле – «хуже»?

– Скажем так, существует некий «путь Кумара», и я ему не следуя. Моя мама – психолог, поэтому она диагностировала мои «проблемы», а папа – психиатр, так что у него есть препарат, чтобы меня лечить. Самая кошмарная родительская комбинация, которую вообще можно представить. Но именно мой отец очень старается помочь мне наладить свою жизнь.

У меня так много вопросов, но мне неловко совать нос в чужую семью.

– Чем ты занимаешься весь день? – спрашиваю я, засовывая руки в карманы. – Просто пьешь кофе и гуляешь?

Джей заглядывает мне через плечо. Его пристальный взгляд скользит к окну моей спальни. Я вздрагиваю. Не подозревала раньше, что смущение на самом деле может причинять боль.

– Ты что, шпионила за мной? – спрашивает он. На его лице появляется лукавая усмешка. – Меня захлестывает гнету-

щее чувство стыда. Слова, которые я хотела произнести, казалось, соскальзывают из моего рта вниз, в желудок. – Не переживай. Если бы я был наказан, то искал бы любой источник развлечений. Извини, что не делаю ничего интересного.

Мне хочется возразить, что он самый интересный человек в Мидоубруке, может быть, самый интересный человек, которого я когда-либо встречала, но мне удастся сохранить некоторую сдержанность.

– Ты едешь в «Старбакс» и, похоже, больше ничем не занимаешься. Это все, что я знаю. – Я говорю расплывчато, надеясь, что этого будет достаточно, чтобы заставить его заговорить.

Джей одаривает меня небрежной улыбкой.

– Я пишу код. Весь день. Каждый день. Вот чем я занимаюсь.

– Ого, что кодишь?

– Нечто, что сделает меня миллиардером.

Мои глаза расширяются.

– На миллиард можно купить очень много Juul'a, – говорю я ему, и он смеется. – Ты делаешь какое-то приложение? В наши дни все создают приложения.

– Если бы я сказал тебе...

– ...тебе пришлось бы убить меня, – заканчиваю я мысль за него. Наказана я или нет, уверена, что моя мама не хотела бы, чтобы я подружилась с бросившим колледж и вейпящим красавчиком старше себя.

Словно читая мои мысли, Джей поворачивает голову, когда затягивается, выпуская пар в сторону своего дома, с таким видом, словно делает заявление, возможно, означающее вопиющее проявление неуважения к своим родителям.

Он убирает свой Juul и достает телефон.

– Я хочу кое-что тебе показать.

Он запускает видеоролик. Я узнаю человека в кадре – это отец Джея, его широкое лицо крупным планом, во весь экран.

«Я не собираюсь позволять ему просто болтаться весь день в подвале, растрчивая попусту свою жизнь и время», – говорит отец Джея кому-то, но я не вижу, кому именно.

Джей останавливает воспроизведение большим пальцем.

– Он разговаривает с моей мамой, – поясняет юноша. –

Они часто так делают – жалуются друг другу на меня.

– И ты... записал это? – Я задыхаюсь, затем понижаю голос. – Это у них в спальне? Ты записывал, как они... делают это? Потому что если это так, то у тебя серьезные проблемы.

Джей делает такое лицо, будто его сейчас стошнит.

– Черт возьми, нет. Мои родители не занимаются сексом.

Мой отец уже три года не выписывал рецепт на виагру.

– Ты знаешь, что твой отец принимает виагру?

– Я же говорил тебе, Летти, у каждого есть секреты... а секреты в наше время трудно хранить. – Джей склоняет голову набок. – Итак, ты готова узнать секрет Райли? Я со своей стороны всё подготовил.

Я неуверенно мнусь, прежде чем заговорить.

– Все готово? Что всё? Что ты хочешь этим сказать? – Мое сердце трепещет, у меня немного кружится голова.

– Райли. Твой грандиозный план мести, – поясняет он. – Ты сама напросилась на это, Летти. – В голосе Дджея появляется резкость, которой я раньше не слышала. – Ты отказываешься от моей помощи? Я приложил столько усилий, чтобы получить то, что тебе нужно! Только не говори мне, что теперь ты струсил!

Я слышу подтекст громко и ясно: отступи – и между нами все кончено. Он никогда больше не заговорит со мной. В его глазах я буду просто глупой маленькой девочкой. Я думаю обо всем, что перенесла из-за Райли. Небольшая расплата не повредит, верно?

– Я не отступлю, – говорю я ему, хотя моему голосу не хватает уверенности. – Итак, какой у нас план?

– Он заключается в том, что у меня есть достоверная информация о том, что Райли собирается куда-то пойти сегодня вечером, и мы с тобой собираемся посмотреть, куда она ходит и что делает.

– Откуда ты можешь это знать? – удивляюсь я. Затем вспоминаю о секретной записи, которую он сделал в спальне родителей. Кто знает, на что еще способен Джей?

– Ты не единственная, кто следит за своими соседями, – говорит он с усмешкой.

Паническое чувство в моей груди усиливается.

– Я не могу пойти сегодня вечером, – выпаливаю я. – Я наказана. Забыл?

Я чувствую себя абсолютным ребенком и не могу выдержать его взгляд, поэтому просто смотрю себе под ноги.

– Летти, – произносит Джей, нежно приподнимая мой подбородок длинным изящным пальцем, пока наши глаза не встречаются, – когда речь идет о мести, невозможно чего-то добиться, играя по правилам.

Глава 8

Видит Бог, замечательно устраивать романтические вечера, но подготовка к ним доставляет больше хлопот, чем они стоят. Алекс раздражал каждый наряд, который она примеряла для концерта, посещение которого больше нравилось Нику, чем ей, – какая-то группа из девяностых, пытающаяся вернуться к своим славным дням.

Бокал вина, сидя на диване, – вот единственное свидание, в котором она нуждалась. Она провела день на изнурительном сеансе в качестве посредника между разводящейся парой, которая тратила свои деньги и время на то, чтобы колотить друг друга, вместо того чтобы договориться о графике отпуска. Она давно привыкла к семейным раздорам своих клиентов, но теперь, казалось, брала свою работу на дом самым худшим из возможных способов. Конфликты, разыгравшиеся в ее офисе, каким-то образом искажали восприятие, затрудняя понимание разницы между реальностью и проекцией страхов и тревог за ее собственный брак.

По крайней мере, в доме было тихо. Алекс занялась приготовлениями к вечеру. Ник еще не вернулся с работы. Она предположила, что Летти в своей комнате, где та проводила большую часть своего времени, пока находилась под домашним арестом.

По сей день Алекс сожалела, что пошла на компромисс

с Ником по поводу наказания Летти. Это было слишком, и она хотела переосмыслить всю эту чертову ситуацию. Она обсудит ее с Ником позже, попытается добиться смягчения приговора своей дочери за хорошее поведение. «Пускай даже он обвинит меня в том, что я слишком мягкий родитель, – подумала она. – Не похоже, что у него есть ответы на все вопросы».

Было немного рановато для выпивки, но Алекс обнаружила, что открывает бутылку вина и наполняет бокал доверху. Хотя Нику нравилось время от времени потягивать коктейли, она была рада, что его нет дома и он не может наблюдать, как она пьет. Она не хотела снова произносить фразу «где-то сейчас пять часов» без крайней необходимости. Мир был разделен на двадцать четыре разных часовых пояса, и был хороший шанс, что она использовала это оправдание достаточно часто, чтобы охватить каждый из них.

В назначенное время Алекс услышала, как машина Ника въезжает на подъездную дорожку. Она как раз налила себе еще вина. Сделав большой глоток, затем еще один, даже не пытаясь допить все до конца, она выплеснула остатки, тщательно ополоснула стакан, осознавая, что избавляется от улик, и не совсем понимая, почему принимает такие меры.

Мгновение спустя Ник вошел в кухню через боковую дверь, за ним по пятам следовала Эмили.

Алекс всегда приветствовала внезапные визиты своей сестры, но, впрочем, Эмили это было неважно. Прошло

несколько дней с тех пор, как Алекс видела Кена, крадущегося по лесу за домом Кумаров. У нее было достаточно возможностей поделиться тем, что она увидела, но она боялась, что это принесет больше вреда, чем пользы.

Она надеялась, что Эмили опередит любой разговор, предложив какое-нибудь грандиозное объяснение, безумную историю о том, как Кену пришлось мчаться к Кумарам, чтобы помочь потушить пожар, или что-нибудь в этом роде – что угодно, но не тут-то было.

По мнению Алекс, раскрытие того, чему она была свидетельницей, могло вызвать лавину обвинений, способных погубить Эмили и Кена. Тяжесть этой ответственности казалась слишком непосильной, поэтому Алекс рассчитывала на то, что время уладит этот вопрос за нее.

– Привет, милый. – Алекс поцеловала Ника в щеку, чтобы уменьшить вероятность того, что он почувствует запах вина в ее дыхании. – Ты взволнован предстоящим концертом?

– Очень! – воскликнул Ник с детским ликованием.

– На кого вы идете? – спросила Эмили.

– Я даже не знаю, – пожал плечами Алекс, – Wiggles или что-то в этом роде.

Ник бросил на жену изумленный взгляд.

– Weezer, – поправил он. – Сегодня вечером мы идем на Weezer. Не Wiggles. Боже милостивый, неужели я зря потрагился на твой билет?

– Неважно. Мне все рано, что там будет за группа. – Она

сказала это не подумав, хотя и имела в виду именно это. – Но я просто очень надеюсь, что ты не считаешь приглашение своей жены на романтический вечер пустой тратой чего бы то ни было.

– Нет, конечно нет, – запротестовал Ник и слегка приобнял ее за плечо. – Мне нужно собраться. Уже поздно, можем попасть в пробку.

Ник всегда беспокоился о такого рода вещах: дорожном движении, парковке, заправке (он никогда не позволял заправлять машину меньше чем на четверть бака), в то время как Алекс ничего не планировала заранее. Его стресс часто становился ее стрессом, что всегда добавляло немного беспокойства их ночным свиданиям.

После того как Ник вышел из комнаты, Алекс обратила все свое внимание на Эмили:

– Так что привело тебя сюда, сестренка?

Вместо ответа та наклонилась вперед, раздвигая лацканы своей шелковой блузки, чтобы показать потрясающий изумрудный кулон, висящий на платиновой цепочке.

– Я подумала, тебе захочется это увидеть. – Лучезарная улыбка Эмили была достойна любой красной ковровой дорожки.

У Алекс перехватило дыхание.

– Он великолепен.

– Это от Кена. – Эмили станцевала небольшой победный танец живота, чтобы выразить свой восторг. – Я знаю, ты бес-

покоилась обо мне, поэтому хочу, чтобы ты знала: у нас дома сейчас все в порядке.

– Похоже, более чем в порядке, – кивнула Алекс. – Итак, по какому случаю? – Эмили отмечала день рождения незадолго до Рождества.

– Без особой причины, просто потому, что он любит меня, – произнесла Эмили с язвительной улыбкой. – Теперь я чувствую себя немного виноватой за то, что думала о худшем, – добавила она.

– Или что пыталась выжить Кумаров, – добавила Алекс.

– Признаю, я вела себя не лучшим образом. Но сейчас я отпустила ситуацию. Всё в прошлом. Кстати, я видела, как Летти уходила куда-то с их сыном.

Алекс бросила на сестру удивленный взгляд.

– О чем ты говоришь? Летти наверху, в своей комнате... по крайней мере я так думала.

Ник вернулся на кухню, пригнулся, чтобы погладить Зои.

– Дорогой, Эмили только что сказала мне, что видела, как Летти уезжала с новым соседом. Она что, сбежала тайком от нас?

Ник прочистил горло:

– О, у меня не было возможности сказать тебе, но Летти умоляла меня отпустить ее в кино с Джем Кумаром. Я думаю, у нее больше нет друзей по соседству, как когда-то, и это была бы хорошая возможность исправить это.

Вспышка гнева на мгновение ослепила Алекс.

– Разве нам с тобой не следовало обсудить это вместе?

Глаза Ника говорили «да», несмотря на то, что он поступил наоборот.

– В последнее время она буквально была взаперти, – оправдывался он.

– Это называется «наказана», – огрызнулась Алекс. – Наказание, о котором мы с тобой договорились. На самом деле разве не ты критиковал меня на днях за то, что я недостаточно твердая? И вообще, разве Джею Кумару не около тридцати?

– Ему двадцать, – вмешалась Эмили.

Взгляд Алекс стал свирепым.

– Ты отпустил нашу наказанную дочь на свидание с двадцатилетним парнем, которого мы едва знаем? Прости, Ник, и, пожалуйста, не пойми меня неправильно, но что, черт возьми, с тобой не так?

Ник принял оборонительную позу, буквально прижавшись спиной к кухонной стене. Гнев вспыхнул в его глазах, но потускнел под яростным взглядом Алекс.

– Прости. – Он выглядел и скучал искренне раскаивающимся. – Ты права. Мне следовало посоветоваться с тобой, но ты была на сеансе медитации, и с тобой нельзя было связаться, а я просто был очень занят, поэтому быстро принял решение.

– Под словом «быстро» ты имеешь в виду – вообще не задумываясь? – Гнев Алекс продолжал нарастать.

На этот раз Ник не отступил.

– Неужели я не заслуживаю немного доверия? – начал он. – Да, может быть, я и не продумал это до конца, но это не значит, что я вообще не думал. Летти становится старше, и иногда нам нужно принимать ее точку зрения. Через год она поступит в колледж, будет общаться с детьми всех возрастов. Она умная девочка... Я думаю, они с Джеем пообщались, и она узнала его лучше и доверяет ему. Несмотря на некоторые ошибки, которые она совершила, важно, чтобы Летти знала, что мы все еще верим в нее. И кроме того, именно ты выступала за более мягкое наказание. Я не думал, что ты так все воспримешь. Но мне очень жаль. Мне следовало приложить больше усилий, чтобы связаться с тобой. Это было неправильно с моей стороны.

Алекс глубоко вздохнула. Это был не тот случай, когда она готова была стоять насмерть. Учитывая ее профессию, она прекрасно понимала, что способность найти компромисс в момент ссоры может стать решающим фактором для благополучия брака. Они с Ником вряд ли были образцом супружества, особенно в настоящее время, но, в конце концов, каждый всегда старался понять точку зрения другого.

– Ладно, я поняла... и спасибо тебе за извинения. Давай просто оставим это и хорошо проведем вечер, – предложила Алекс в качестве оливковой ветви. – У меня есть идея, – добавила она. – Как насчет того, чтобы выпить перед уходом? Ник, ты не мог бы налить вина, пока я переодеваюсь? Мне

не нравится то, что на мне надето. Я постараюсь побыстрее. Мы не опоздаем.

Прошло около сорока минут с начала концерта, когда Ник обеспокоил Алекс до такой степени, что ей захотелось заползти под свое сиденье. До этого она хорошо проводила время... в какой-то степени. Оркестр играл так громко, что у нее разболелась голова (или всё дело было в коктейлях?), и многие из посетителей концерта вполне могли быть друзьями Летти, но присутствовали и несколько человек из ее поколения, включая одного особенно жизнерадостного джентльмена в ряду позади них, одетого во фланелевую рубашку и футболку Weezer, точно гранж все еще был в моде.

Парень кричал с нескрываемым энтузиазмом в начале каждой композиции и, к сожалению, не переставал вопить до ее окончания. Потом он отхлебывал свое пиво. И все по новой. «Черт возьми, да! Weezer рулят! Да, Weezer! Риверс! Беверли-Хиллз! Беверли-Хиллз!»

Очевидно, «Беверли-Хиллз» – отсылка к одному из хитов группы, а Риверс являлся солистом, которому, безусловно, было все равно, что кричит этот парень.

Однако Нику было не все равно. На самом деле ему было очень не все равно. После четвертой песни, сопровождавшейся безостановочным ором соседа, Ник развернулся и свирепо взглянул на этого гораздо более крупного и физически внушительного мужчину, стоявшего позади него.

Все тело Алекс напряглось. Она достаточно часто ездила с Ником в машине, чтобы знать, когда на дороге его гнев перерастет в ярость. Была ли концертная ярость чем-то особенным?

– Эй, чувак, – гаркнул Ник, тыча пальцем в мужчину, – может, ты заткнешься на хрен, чтобы мы могли насладиться шоу?

Он произнес это настолько громко, что, возможно, услышал сам Риверс.

Почти все, кто находился поблизости, разразились аплодисментами.

Глаза мужчины загорелись. Темные волоски его густой бороды дернулись, как будто по ним прошел электрический ток. Последовал пристальный взгляд вниз, в стиле Дикого Запада, но Ник не выказывал никаких признаков того, что собирается отступить.

Алекс уже представляла, как едет с ним в машине скорой помощи, звонит его матери, чтобы узнать его группу крови.

Бородатый мужчина поднял свой пластиковый стаканчик, возможно, чтобы швырнуть содержимое в Ника.

– Как скажешь, чувак, – проворчал он, затем поднес чашку к губам, и на этом все закончилось.

Алекс должна была бы гордиться своим мужем за то, что он занял столь твердую позицию. Вместо этого внутри нее поселилось беспокойство. Она не могла заставить себя снова обернуться, поэтому остаток концерта провела на своем ме-

сте, устремив взгляд вперед, опасаясь, что в любой момент мужчина, с которым сцепился Ник, нанесет ответный удар. Поход к киоску за бокалом вина несколько успокоил ее нервы. Может быть, если ей повезет, она полностью забудет этот вечер к утру.

Алекс все еще был на взводе по дороге домой под дождем, в то время как Ник беспрестанно улыбался, не скрывая радости. Он всегда был таким – в одну секунду спокойным, в следующую – вспыльчивым. Она привыкла к перепадам его настроения, но тем не менее это портило жизнь.

Верный себе, Ник запустил плейлист Weezer с записью концерта, который они только что посетили. Для него неприятная стычка осталась в прошлом. Концерт, однако, мог продолжаться всю дорогу домой.

– Тебе что, не хватило Weezer? – любопытствовала Алекс.

– Никогда, – ответил муж, прибавляя громкость, когда заиграла «Бeverли-Хиллз».

Алекс хотела выключить музыку, но боялась спровоцировать очередную ссору. Вместо этого она нашла тему, точно интересующую мужа. Она рассказала ему о том, как увидела Кена, крадущегося от дома Кумаров.

– Это, конечно, странно, – проговорил Ник, – и это не единственное странное происшествие, связанное с нашими новыми соседями.

– Да?! Что еще?

– В четверг я зашел к Кумарам, чтобы пригласить Самира на вечер покера.

– Еще раз, когда это будет?

– На следующей неделе, – ответил Ник.

– Он придет?

– В том-то и дело. Сначала я подумал, что да. По крайней мере, он казался заинтересованным. Он спросил меня, в какие игры мы играли, и я ответил, что в основном это тexasский холдем, но мы немного его смешиваем.

– Самир нормально относится к азартным играм? – уточнила Алекс. – Я знаю, что в некоторых частях Индии это неприемлемо.

Ник пожал плечами.

– Я не знаю, как долго он живет в Америке и каковы его культурные традиции. Но он действительно знает, как играть в тexasский холдем, потому что спросил меня о блайндах.

– Вы говорили об оформлении окон? – Алекс выглядела удивленной.

– Нет, не эти блайнды¹³, – сказал Ник со смешком. – Это покерный термин, обозначающий правило, когда в игре нет ante¹⁴.

Алекс не совсем поняла смысл, но оставила это без внимания. Покер не был ее коньком, но она была рада, что муж соберется с соседями, чтобы немного повеселиться. И для

¹³ Так называют шторы, жалюзи и прочие приспособления, затемняющие окна.

¹⁴ Ante в покере – это взнос в банк до начала раздачи.

нее не было неожиданностью, что Ник проявил гостеприимство по отношению к Самиру Кумару и попытался пригласить его на вечер игры.

– Так что же произошло?

– Повторюсь, он вроде заинтересовался, но потом спросил, где мы собираемся встретиться. И как только я сказал, что у Кена, он очень напрягся, а потом заявил, что у него есть планы и он постарается присоединиться к нам в другой раз. Но при этом казался расстроенным. Мне кажется, он даже не поблагодарил меня за приглашение. Он фактически закрыл дверь у меня перед носом, довольно резко, и на этом все закончилось.

– Напомни, в какой день это было?

– В четверг.

– Значит, уже после того, как я увидела, как Кен тайком ретируется из их дома, – задумчиво произнесла Алекс. – Интересно, связаны ли эти события.

– Может быть, – кивнул Ник.

Алекс погрузилась в раздумья под непрекращающееся пение Weezer. Возможно, единственным способом получить ответы на некоторые вопросы был визит к Мэнди Кумар. Хорошо, что у женщин квартала тоже случались посиделки.

Глава 9. Летти

Считаю ли я странным находиться в «Субару» Джея Кумара, направляясь неизвестно куда, для какого-то неопределенного плана мести девушке моего двоюродного брата? Эмм, еще бы.

Чудо, что мой отец вообще согласился отпустить меня. Если бы он сказал «нет», я бы пошла к маме. Если бы и она отказала, я бы на сто процентов улизнула. Как заявил Джей, месть не та вещь, где можно осторожничать.

Кстати, об осторожности: сегодня туманный, морозящий вечер. Джей хороший водитель, хотя постоянно превышает разрешенную скорость на десять миль, невзирая на дождь. Скорее всего, он делает это намеренно, поскольку точно уверен, что его никогда не остановят. Он не ругается вполголоса на других водителей, как это делает мой отец. Нет, Джей спокоен. Он излучает ауру полного контроля.

От полированных черных кожаных сидений исходит запах новой машины. Приборная панель светится красным, она оснащена всевозможными высокотехнологичными приборамбасами. Джей поместил свой телефон в держатель, который крепится к одному из вентиляционных отверстий. Он запускает приложение GPS, которое, похоже, указывает нам местоположение другого автомобиля, а именно BMW Райли.

Да, верно, у Райли есть BMW, такой же, как у ее отца. Ага.

– Скажи мне еще раз, откуда ты знаешь, где она? – интересуюсь я, когда дождь усиливается.

Из автомобильной стереосистемы Джея доносится электронная танцевальная музыка, от которой трясется сиденье. Я рада, что он включил ее на такую громкость и нам не приходится испытывать неловкость, пытаясь завязать светскую беседу. Мы можем просто проехать по дороге к тому месту, где припаркована машина Райли. Но все же мне любопытно. Откуда он знает ее местонахождение?

– Это называется GPS-трекер, – поясняет Джей. – Я установил небольшое приспособление в машину Райли, оно передает мне сигнал, по которому я могу узнать, где она находится.

Я сглатываю, когда в моей груди нарастает ком беспокойства, но подавляю это ощущение, потому что теперь мне некуда деваться. Не умолять же Джея высадить меня на обочине дороги, да еще под дождем, только потому, что он нарушает восемь или девять различных законов? Да, наверное, мне следовало бы, но я этого не делаю. Мне семнадцать, и технически мой мозг все еще формируется, поэтому вместо того, чтобы поступить разумно, я говорю:

– Ты же знаешь, что я не могу написать об этом в своей статье о мести. Уверена, мой учитель вызвал бы полицию, если бы узнал о чем-то подобном.

Джей отшучивается:

– Я бы тоже не стал писать ничего компрометирующего

нас. Кроме того, Райли даже не узнает, что он там, – уверяет он меня. – И я заберу его из ее машины сегодня вечером, после того как она ляжет спать.

Теперь до меня наконец-то дошло.

– Погоди, так это ты взломал машину Райли?

Джей бросает на меня недоверчивый взгляд.

– А как еще я мог поместить туда маячок?

Он говорит это так, будто я должна была догадаться, но я все еще собираю кусочки воедино. И вот к какому выводу прихожу: Джей – преступник. Он цифровой преступник, и это, вероятно, единственный вид плохих парней, с которым я могу мириться. Мне действительно не нравятся грубые типы с татуировками на лице. Думаю, я предпочитаю, чтобы бандиты лучше управлялись с компьютерной мышью, чем с пистолетом.

Подозреваю, что если бы моя мать знала, что из себя представляет Джей, – как он взломал компьютер своих родителей, проник в машину соседа, без спросу покинул свое убежище в подвале, как его выгнали из колледжа, как он вейпил, словно вышел из песни «Puff, The Magic Dragon»¹⁵, – она бы решительно положила конец нашей зарождающейся дружбе. Если бы узнал мой отец, подозреваю, мы бы переехали.

Я бросаю взгляд на приложение-трекер на телефоне Джея, которое направляет нас к машине Райли, припаркованной

¹⁵ «Puff, the Magic Dragon» – популярная песня группы "Peter, Paul & Mary", написанная на основе стихотворения Леонарда Липтона.

примерно в десяти милях отсюда, в так называемом Метро Реджион. Здесь большие дома и широкие лужайки уступают место многолюдным улицам, вдоль которых расположены бары, рестораны и множество ночных клубов. Какого черта Райли здесь делает? Ребята из Мидоубрука не заезжают в этот район. Это излюбленное место студенческих братств и недавних аспирантов, что может объяснить, почему Джей выглядит в высшей степени уверенно, отлично ориентируясь по улицам. Он ведет машину, посасывает вейп, выпуская дым в окно, проверяет GPS и делает все это с такой легкостью...

Я немного удивлена и, возможно, немного расстроена тем, что теперь Джей привлекает меня еще больше. К тому же обеспокоена, ведь он пренебрегает правилами, чего я бы никогда не сделала.

Без предупреждения Джей сворачивает вправо, меняя полосу движения достаточно резко, чтобы у меня скрутило живот. Мгновение спустя он умело вписывает свой «субару» в ограниченное пространство, используя навыки параллельной парковки, которыми, подозреваю, я никогда обладать не буду.

– Ее машина стоит вон там, – Джей указывает на другую сторону улицы, примерно в пяти машинах впереди нас.

Вот она: задняя часть черной машины, которая могла бы быть BMW Райли, но я не могу быть уверена из-за дождя и тумана.

– Я понятия не имела, что Райли здесь ошивается, – говорю я.

– Ты многого о ней не знаешь. Но ведь именно поэтому мы здесь, верно? Узнать ее секреты... и использовать их.

– Как думаешь, где она сейчас? – спрашиваю я, глядя на море неона, окружающее нас.

– Она может быть где угодно, – отвечает Джей. – Пока просто ждем.

Меня охватывает приступ паники. Никакой музыки. Никакого резкого вождения. Никаких отвлекающих факторов. Мы вынуждены говорить друг с другом. Джей оставляет свою машину работать на холостом ходу, пока мы ждем, и по привычке я наклоняюсь и нажимаю кнопку, глушащую двигатель. Это то, что я обычно делаю в подобной ситуации, находясь в машине своей матери.

Джей бросает на меня взгляд, в котором сквозит недовольство.

Я совершенно подавлена.

– Извини, – заикаюсь я. – Стоило сначала спросить. У меня типа привычка. – Мне хочется стать достаточно маленькой, чтобы заползти в бардачок и спрятаться там.

Джей делает затяжку.

– Не беспокойся. – Он выпускает в воздух пар, который облаком повисает вокруг его головы. – Я просто задумался.

– Сейчас в нашей атмосфере больше углекислого газа, чем когда-либо в истории человечества, – выпаливаю я без вся-

кого повода. От некоторых привычек трудно избавиться.

– Правда? – Улыбка Джея подразумевает, что он не боится надвигающегося климатического апокалипсиса.

– Доиндустриальный уровень составлял 278 частей на миллион. Сейчас этот показатель превышает 400 частей на миллион, что, безусловно, вызвано деятельностью человека. Мне жаль, если ты считаешь, что это произошло по естественным причинам, потому что это полная чушь. Мы сделали это.

– Я не спорю, – говорит он.

– В последний раз, когда в атмосфере было так много углекислого газа, на Южном полюсе росли деревья.

– Ты всегда такой жизнерадостный собеседник? – спрашивает Джей. Я чувствую, как умираю внутри. Смех Джея вытаскивает меня из моей душевной пропасти. – Все в порядке. Мне действительно стоит думать об этих вещах больше, чем я это делаю.

– Когда ты пытаешься стать следующим технологическим миллиардером, такие вещи, как воздух, которым можно дышать, на самом деле не имеют большого значения. – Я гадаю, научусь ли я когда-нибудь вовремя закрывать рот.

– Что еще тебя вдохновляет, Летти? Помимо нашей нагревающейся планеты?

Джей подается ко мне.

Я чувствую запах его одеколона (это он для меня так надушился?), чувствую тепло его тела, в то время как моя соб-

ственная внутренняя температура повышается на градус или два.

Я хочу дать ему хороший ответ, что-нибудь такое, что заставит его подумать, будто я обычный человек и все такое, но у меня ничего не выходит. Что меня вдохновляет?

– Почему мы здесь? – продолжает Джей. – Почему ты так сильно этого хочешь?

Я мысленно перечисляю: *Клуша Летти, охранная сигнализация в магазине, все эти издевательства в детстве*, но предпочитаю дать размытое объяснение:

– Она этого заслуживает, – говорю я.

– Не очень вдохновляющий ответ.

От дальнейших объяснений меня спасает фигура молодой женщины, которая, спотыкаясь, выходит из бара под названием «У Маккормика». Мне требуется мгновение, чтобы осознать, что нескладная посетительница, на которой нет пиджака, только синее платье, кажется, с каким-то принтом, на самом деле тот самый человек, из-за которого мы сюда приехали.

Райли хватается за ближайший парковочный счетчик, словно это ее партнер по танцам. Ее ноги отрываются от бордюра, когда она вываливается на проезжую часть, прежде чем вернуться на тротуар, совершив один полный оборот. Она может стоять прямо, но при этом очень неустойчиво, раскачиваясь взад-вперед, не обращая внимания на дождь, намочивший ее одежду и волосы. В один момент кажется,

что она упадет влево, а в следующий – вправо.

Прежде чем она успевает упасть, из «Маккормика» выбегаает высокий парень в спортивной куртке и джинсах. Он наклоняется вперед, пытаясь защититься от дождя, и бежит догонять Райли, которая начала отходить от своей машины. Джей включает «дворники», но я не могу как следует разглядеть спутника Райли. Из-за дождя его лицо расплывается, и что еще хуже, он открывает зонт, чтобы они не промокли еще больше.

Как по-рыцарски с его стороны!

Райли демонстрирует свою признательность человеку с зонтиком, обнимая его.

Зонт опускается, как щит, закрывая мне обзор того, что происходит с другой стороны, но я вижу, что рука парня находится достаточно низко, чтобы обхватить ту часть тела Райли, где, по мнению Дилана, ей не место. Зонт опускается еще ниже, так что я могу наблюдать за пьяным поцелуем. Честно говоря, я видела брачные ритуалы в документальных фильмах о дикой природе, которые были куда более классными.

Джей достает свой телефон. Мне требуется мгновение, чтобы понять, что он записывает всю встречу целиком. Я не представляю, как много он сможет запечатлеть на видео, учитывая, что все, что я могу разглядеть, – это затылок Райли.

Закончив обжиматься, парень-с-зонтиком провожает

Райли к пассажирскому сиденью ее машины. Я думаю, хорошо, что она не за рулем; лучше пусть будет этот парень. По крайней мере, он может идти по прямой. В одну секунду они припаркованы, а в следующую уже скрываются из виду. Все произошло очень быстро.

Джей тоже отъезжает, и мы снова следуем за ними, но GPS уже не нужен, они в поле зрения.

Я чувствую себя чуть менее виноватой из-за того, что тайно следила за Райли, потому что теперь мы будем знать, что она благополучно добралась домой. Я проверяю время на приборной панели. Фильм, на котором меня нет, только что закончился. Мы следуем за машиной в течение нескольких минут.

– Они едут не в Мидоубрук, – сообщает Джей.

– Мы должны продолжать следить и убедиться, что с ней все в порядке, – заявляю я. – Тот парень, с которым она сейчас, определенно не учится в старшей школе.

– Всё, достаточно, – говорит Джей.

– Чего достаточно? – Мне не нравятся нервные нотки в моем голосе.

– Достаточно для мести. Мы выложим видео и фотографии в Сеть, пометив Райли, и это должно перевернуть ее жизнь с ног на голову.

Я сглатываю, понимая, что это перевернет с ног на голову и жизнь Дилана.

– Ты не можешь этого сделать, – огрызаюсь я. – Дилан

будет раздавлен.

Джей резко разворачивается на светофоре.

– Ты куда?! – кричу я. – Они в другой стороне!

Джей не меняет курса.

– Я больше не собираюсь тратить свое время впустую, Летти. У нас есть план. Хотя не похоже, что ты сможешь пройти через это. Не волнуйся. Я не собираюсь тебя принуждать.

Я испытываю все виды паники.

– Мне нужно, чтобы ты развернулся, Джей, прямо сейчас. – Мой тон старше и смелее, чем я есть на самом деле.

– Так ты не против, если я выложу фотографии?

– Против! – резко отвечаю я. И вдруг до меня доходит. Я точно знаю, о чем думает Джей. – Если я разрешу тебе опубликовать фотографии, ты развернешься?

– Правильно, – говорит Джей.

– А если я попрошу не выкладывать, мы поедем домой?

– Ловишь на лету, – ухмыляется он. – Вот как работает месть, Летти. Тут не бывает легких выборов.

Я не могу позволить ему опубликовать фотографии.

– А что, если с ней что-нибудь случится? Кто этот парень, с которым она сейчас? У нее могут быть неприятности. Мы не можем так просто оставить ее.

Джей бросает на меня косой взгляд:

– Она что, выглядела расстроенной? – Справедливое замечание. – С ней все в порядке, Летти, – говорит он с абсо-

лютой уверенностью. – И похоже, ты не до конца понимаешь концепт мести. Предполагается, что ты хочешь, чтобы с целью случилось нечто плохое.

– Но не изнасилование! – кричу я. – Я не хочу, чтобы она пострадала. И я не хочу, чтобы страдал Дилан.

– Опять же, месть так не работает.

– Тогда нам придется придумать что-нибудь еще, – настаиваю я. Мое сердце бьется так сильно, что я боюсь, как бы оно не разорвалось.

– Хорошо, – кивает Джей. – Давай забудем обо всем этом и просто пойдем домой. Она может постоять за себя, и очевидно, что она с этим парнем не в первый раз.

– Мы все равно должны поехать за ней, – настаиваю я.

– Зачем? Посмотреть, в каком конкретном мотеле они остановились? Я бы предпочел сэкономить бензин.

– Откуда ты знаешь, куда он ее везет? Что, если он воспользуется ее состоянием? Она явно пьяна.

– Хорошо, тогда дай мне зеленый свет на публикацию фотографий, и мы будем следить за Райли столько, сколько ты захочешь. Одно из двух. Так что будем делать, Летти?

Я хочу ударить Джея по лицу, но он за рулем. Вместо этого я впиваюсь пальцами в свои ноги. Как я позволила себе вляпаться в эту историю? Я сама напросилась на это, вот как. Я изучаю костяшки своих пальцев. Что, черт возьми, мне теперь делать? Выложить фотографии и, возможно, спаси Райли, или не делать этого, чтобы пощадить Дилана.

Пока что месть идет не по плану.

– Расслабься, Летти. Это не первая ночь Райли в городе.

Уверяю.

– Ты следил за ней раньше?

– Давай просто скажем, что я провел небольшую первоначальную разведку. Она полностью отдает себе отчет в том, что делает. – Признаюсь, это меня несколько успокаивает. По крайней мере, это даст мне время решить, что делать с фото. – Если тебе от этого станет легче, – говорит Джей, – я присмотрю за GPS-трекером. Прослежу, чтобы она благополучно добралась домой.

Что еще я могу сделать? Я не могу контролировать то, что происходит на ее свидании. Я полагаю, что это не в моей власти, и, по крайней мере, Джей будет знать, где она находится, так что я смогу выспаться этой ночью.

– Пришли мне сообщение, когда она будет дома, хорошо?

– Без проблем, – уверяет меня Джей. – Но есть вероятность, что она не вернется до утра. Я уверен, что ее мама думает, что она ночует у подруги – это то, что я в свое время сказал бы своим родителям.

– Хорошая отмазка, – говорю я.

– И, Летти, ты должна знать – это не единственный секрет Райли.

– Что еще? О чем ты говоришь?

Он открывает центральную консоль своего «Субару» и достает пузырек с таблетками янтарного цвета. Этикетки нет,

но Джей встряхивает ее, и бутылка дребезжит, как маракасы:

– Нашел это в машине Райли. Может быть, я положу их обратно – или, может быть, заставлю ее думать, что она их потеряла. С этой прелестью шутки плохи.

– Что это такое?

– Крутые опиоиды! – говорит он с восторгом. – Если только она недавно не перенесла операцию на спине, похоже, наша маленькая Райли увлекается не только выпивкой и мальчишками. Она еще любит побаловаться тяжелыми веществами.

Джей давит на газ. Его машина мчится вперед, в то время как мой желудок сжимается от резкого ускорения. Я бросаю взгляд на спидометр, наблюдая, как стрелка поднимается вверх, пока не останавливается на цифре, превышающей допустимую скорость примерно на двадцать миль в час.

На GPS-трекере я все еще вижу, как машина Райли, которую ведет какой-то незнакомец, продолжает движение в противоположном направлении, неведомо куда.

Дождь льет все сильнее.

Глава 10

Алекс была так занята работой, что ей потребовалось три недели даже на то, чтобы начать думать об организации районной вечеринки. На этот раз только для дам. Когда у нее наконец нашлось время, она позвонила Уиллоу.

– По какому случаю? – уточнила та.

– На самом деле его нет. Это просто шанс поприветствовать Мэнди, новую соседку, немного выпить и посмеяться.

– Ты же не собираешься устраивать из этого тематический вечер, не так ли? – Подобная перспектива явно приводила Уиллоу в ужас.

– Почему бы и нет? – удивилась ее вопросу Алекс, которая уже нашла несколько тематических идей в Pinterest.

– Потому что нам не по двенадцать, – резко ответила женщина. – Несколько недель назад я была в гостях у подруги, на пижамной вечеринке. Теперь я официально сыта по горло женщинами чуть за сорок в пижамах.

– Жаль, но вообще звучит забавно, – проговорила Алекс. – Мы надеваем наши уютные пижамы и пьем май тай. Что в этом может не нравиться?

– Слишком много веселья при моей нынешней ситуации, – бросила Уиллоу. – Развод отбил мне охоту ко всем видам веселья. В последнее время я очень серьезно отношусь к выпивке.

Алекс держала в руке бокал вина. В духовке стояло печенье. Она слишком хорошо понимала положение Уиллоу. Каждый раз, когда ей удавалось продержаться до шести без алкоголя, она чувствовала гордость за достигнутое и считала заслуженной награду, которую всегда откупоривала с серьезным намерением.

– Мы обойдемся без пижам и сосредоточимся на выпивке и веселье. Договорились? – предложила Алекс.

– Хорошо, я приду, – кивнула Уиллоу. – Сама выбери день. Ты – все, что у меня осталось.

Она закончила разговор прежде, чем Алекс успела спросить, что та имеет в виду. Женщина задалась вопросом, не намекает ли Уиллоу на то, что у нее дома существуют проблемы не только с Эваном, но и с Райли. В прошлом Алекс опрометчиво сравнивала близость Уиллоу и Райли со своими отношениями с дочерью. «У нас с Летти связь другого рода», – убеждала она себя. И она не имела возможности посвящать каждую свободную минуту капризам и потребностям Летти. Этот ребенок в любом случае взбунтовался бы против такого внимания. Летти обладала слишком большой тягой к независимости, чтобы Алекс могла ее контролировать, поэтому, когда дочь отстранилась, это не стало большим сюрпризом. Хотя все же это было похоже на сюрприз, или, возможно, «сюрприз» – не совсем подходящее слово. Может быть, это была просто застарелая боль. У нее был один ребенок, и этот ребенок скоро покинет дом.

Алекс почувствовала болезненный укол. Она больше, чем когда-либо, сожалела о том, что согласилась на наказание, предложенное Ником. И все же вместо того, чтобы противостоять мужу, она снова выступила с ним единым фронтом, ради семьи. Когда же она обретет свой голос? Он есть у нее везде, но почему не дома?

Потому что у Ника вспыльчивый характер? Потому что она всегда хотела сохранить мир? Неубедительное оправдание. Но она не слабачка. И, позволив Летти вот так встретиться с Джем, Ник стал героем в глазах своей дочери. С точки зрения Алекс у парней с опытом вполне определенные ожидания. Но что ей с этим делать? Снова упереться и запретить встречаться с Джем Кумаром? Удачи! Результатом станет еще большая отстраненность между ней и Летти. Это так несправедливо. Им с Ником нужно поговорить.

Но сначала ей необходимо выпить.

Звонок в дверь отвлек Алекс от кухни, духовки и печенья, но не от вина, которое она захватила с собой в прихожую. Она решила, что это из UPS¹⁶. Никто из ее друзей никогда не утруждал себя звонком в дверь.

К удивлению Алекс, на крыльце стояла Брук Бейли. Верная себе, Брук как всегда выглядела великолепно. Алекс гадала, пользовалась ли та услугами стилиста и визажиста каждый раз, выходя из дома.

¹⁶ Американская компания, специализирующаяся на экспресс-доставке и логистике.

Но правда заключалась в том, что на Брук все что угодно могло смотреться сногшибательно. Тон ее кожи был самого чувственного оливкового оттенка, какой только можно вообразить. С такой фигурой она могла бы надеть картофельный мешок в качестве платья и сделать так, чтобы это выглядело как дань моде. Что бы Брук Бейли ни делала, она всегда была безупречна и, что еще хуже, невероятно мила и ослепительна.

Она вошла с дружелюбной улыбкой, ступая на изящных черных каблуках так, словно была в лоферах. Ее юбка в веселый горошек идеально сочеталась с простой белой футболкой. Алекс знала от Ника, что мужчины по соседству интересовались, настоящая ли грудь у Брук, на что та отвечала: «Какое это имеет значение? Она в любом случае впечатляет».

Брук держала в руках коричневую коробку из-под выпечки, перевязанную декоративной зелено-розовой лентой.

– Это тебе, – проговорила она, коротко чмокнув Алекс в щеку.

– Так-так, – протянула Алекс, балансируя между вином и коробкой с выпечкой в руках, – что здесь?

– Я только что вернулась из Нью-Йорка, – объяснила Брук, следуя за Алекс на кухню. Даже ее голос был страстным, обволакивающим и глубоким, в нем всегда слышались нотки романтики и таинственности. – Я зашла в пекарню «Супермун». Они готовят такие аппетитные малиновые эк-

леры с кленово-сливочным кремом! Вот решила привезти тебе коробку. Ты так много делаешь для всех остальных, и я подумала, что кто-то должен сделать что-то приятное и для тебя.

Алекс поставила эклеры на стол:

– Это так мило с твоей стороны – подумать обо мне. А я как раз думала о тебе и собиралась позвонить. У меня девичник, и...

Алекс оборвала себя, заметив обеспокоенное выражение лица Брук. Та принюхивалась, оглядываясь в поисках источника какого-нибудь неприятного запаха.

В этот момент Алекс тоже что-то учуяла.

– Что-то горит? – спросила Брук, с подозрением разглядывая духовку.

Алекс чуть не взвизгнула. Она молниеносно выудила из ящика стола прихватку. Когда она открыла дверцу духовки, ей в лицо ударила стена дыма, а секундой позже запищал детектор дыма. Откуда-то из глубины дома доносился безумный лай Зои, умоляющей прекратить этот шум.

Брук закрыла уши, но, к ее чести, пронзительный сигнал тревоги недолго беспокоил ее. Она бросилась помогать: выключила духовку, а затем открыла окна, чтобы выпустить дым. Когда Алекс извлекла из духовки противень с подгоревшим печеньем, дыма стало еще больше. Поставив стул под детектор дыма, Брук без особых усилий забралась наверх – на каблуках! – и нажала кнопку, отключающую сиг-

нализацию. Как раз то, что было нужно Алекс, – еще один герой, который заставил бы ее чувствовать себя еще хуже, но все же она была благодарна Брук за своевременное появление.

– Привет, рада, что ты здесь, чтобы попробовать мой новый рецепт домашних хоккейных шайб, – Алекс продемонстрировала свой поднос с почерневшими кругляшами.

Брук рассмеялась, слезая со стула.

Алекс отбросила краткий приступ ревности к великолепной Брук, ее идеальному десерту и тому, как она спокойно справилась со стрессовой ситуацией, и сосредоточилась на том, чтобы выбросить подгоревшие остатки своего печенья в мусорное ведро.

– Я собиралась отнести их Мэнди Кумар в качестве небольшого подарка в знак соседского приветствия и одновременно пригласить ее на девичник, о котором я как раз тебе говорила. – Алекс помахала рукой перед собой, чтобы разогнать остатки дыма.

Брук взяла со стойки коробку с эклерами:

– Я уверена, что они не так хороши, как твое домашнее печенье, но почему бы нам не поделиться ими с Мэнди. Я пойду с тобой. Я не видела ни ее саму, ни ее мужа.

Сделав еще один большой глоток вина, Алекс вместе с Брук направилась к выходу. Это была быстрая прогулка через улицу к величественному кирпичному зданию в колониальном стиле, которое сейчас занимали Кумары. Возможно,

Мэнди дала бы какое-нибудь объяснение тому, что Кен делал на их заднем дворе. Слава богу, Брук была рядом, чтобы поддержать Алекс. Царственная мелодия дверного звонка отозвалась довольно громким эхом. При боковом освещении Алекс впервые смогла как следует разглядеть новый дом Кумаров. Она заметила, что в нем не хватало мебели и он казался необжитым. От него исходило холодное, неприветливое ощущение, но женщина предположила, что семье нужно больше времени, чтобы освоиться.

Брук изобразила дружелюбную улыбку, когда Мэнди Кумар открыла дверь. На ней был модный, сшитый на заказ костюм, придававший ей образ бизнес-леди.

«Чем эта женщина зарабатывает на жизнь?» – задумалась Алекс.

– Привет, – проговорила Мэнди. Ее яркие глаза мерцали от света послеполуденного солнца. – Какой приятный сюрприз!

– Привет. – Брук протянула коробку с эклерами. – Я Брук Бейли, ваша ближайшая соседка. Извини, что не зашла познакомиться раньше – так много дел! Мы принесли кое-что в качестве запоздалого угощения в честь приезда вашей семьи.

Мэнди поставила коробку с выпечкой на столик в прихожей, напоминающей пещеру.

– Большое спасибо вам обеим. Как мило! – заворковала она. – Не хотите зайти?

– Спасибо, но в следующий раз, – отказалась Брук. – Я только что вернулась из деловой поездки в Нью-Йорк, и мне нужно многое наверстать.

– О? Чем ты занимаешься, что привело тебя в Нью-Йорк? – спросила Мэнди. Нормальный вопрос, подумала Алекс, хотя и заметила странное выражение, появившееся на лице Брук, которое подразумевало, что эта тема не являлась ее любимой.

– В основном продажи и маркетинг, – немного туманно ответила она.

Алекс осознала, что даже не знает название фирмы Брук. Об этом никогда не заходила речь.

– Как тебе Мидоубрук? – поинтересовалась Бейли.

– Прекрасно, – сказала Мэнди. – Это... – Ее голос затих, а взгляд смягчился. Она оглядела тупиковую улицу, где стояли великолепные дома, принадлежащие ее новым соседям – Брук, Уиллоу, Эмили и Алекс. – Это как раз то, что я искала, – произнесла она с задумчивой улыбкой.

– Ближе к работе? – уточнила Брук. – Кстати, мне нравится твой костюм.

Алекс вдруг почувствовала себя довольно неуклюжей в своих джинсах и свободном свитере.

– Вообще-то, наоборот, немного дальше, но я не возражаю. Я езжу на работу с Самиром, так у нас больше времени, чтобы быть вместе.

– Мило, – улыбнулась Брук. – А кем ты работаешь?

– Я штатный психолог отделения обсессивно-компульсивных расстройств больницы Маклин, – ответила Мэнди.

Алекс выглядела впечатленной:

– Это, должно быть, увлекательно.

– Безусловно, но не без неприятных моментов, – проговорила Мэнди. – Я могу вам все уши прожужжать о предотвращении реакции на воздействие, но поберегу это для другого раза.

– А я думала, что *моя* работа напряженная, – улыбнулась Алекс. – Разводящиеся пары одержимо и компульсивно не любят друг друга, но мне не нужно пытаться это исправить. Мне просто нужно, чтобы они пришли к соглашению.

– О, так ты посредник при разводе?

– Бывший адвокат по бракоразводным процессам стал посредником, – пояснила Алекс. – Мне нужно было отдохнуть от зала суда.

– Понимаю, – кивнула Мэнди. – Судебные тяжбы – это не что иное, как стресс и давление, даже если борешься за других людей.

– Совершенно верно, – согласилась Алекс. – Итак, вы с Самиром познакомились на работе?

– Нет, – ответила Мэнди. – Мы познакомились в колледже, и наши карьерные пути случайно пересеклись около десяти лет назад. Забавно, как это происходит. Сначала я работала у Маклина, а потом, примерно через год, Самир подал заявление о приеме на работу. Теперь он на руководя-

щей должности.

– Что ж, должно быть, приятно так часто бывать вместе. Алекс не могла себе представить, что будет работать с Ником в одном офисе, а потом возвращаться в один и тот же дом. По ее мнению, иметь немного свободного пространства вдалеке друг от друга критически важно.

– Помню, ты очень хотела заполнить этот дом, – продолжала Алекс, вспоминая вечеринку. – Что именно тебя привлекло?

Мэнди натянуто улыбнулась в ответ. Цвет, казалось, отхлынул от ее ярко-голубых глаз.

– Нам нужна была смена обстановки, – в конце концов ответила она. – Назовем это... новым началом.

– Что ж, мы рады, что вы выбрали наш район. На самом деле мы пришли, чтобы пригласить тебя на женские посиделки у меня дома. Хотели узнать, свободна ли ты в какой-нибудь из дней.

Услышав это предложение, Мэнди оживилась и расплылась в улыбке, обнажившей жемчужно-белые зубы.

– О, спасибо. Звучит здорово.

Прежде чем Алекс успела предложить дату, в фойе появился Самир Кумар.

– Приветствую, – сказал он, разглядывая Алекс и Брук с той же пронзительной пристальностью, которую проявил в день их первой встречи. – Какие-то проблемы?

Их словно окатил ледяной порыв арктического воздуха.

Самир, снова одетый безупречно – мокасины блестят, на брюках цвета хаки и рубашке ни складочки, золотое обручальное кольцо сияет так, словно его только что отполировали, стоял, крепко скрестив руки на груди, и смотрел на свою жену, словно она сделала что-то не так. Его взгляд заставил Алекс слегка отстраниться – неосознанная реакция, чтобы увеличить дистанцию между собой и Кумарами.

– Самир, это Брук Бейли, наша ближайшая соседка. Брук и Алекс пригласили меня на вечеринку в дом Алекс. Разве это не мило? – Алекс обратила внимание на торопливое объяснение Мэнди, которое показалось ей странным. Самир, безусловно, был достаточно сообразителен, чтобы распознать жест добрососедства.

– Что ж, мы очень заняты, – отрезал Самир.

Алекс и Брук обменялись вопросительными взглядами.

– Мы еще не выбрали дату, – неуверенно произнесла Брук.

На лице Самира появилось мрачное и взволнованное выражение. Воздух вокруг него точно наполнился электричеством. Он придвинулся ближе к Мэнди, так что их плечи соприкасались. Его ухоженная рука вскоре нашла тыльную сторону руки Мэнди. Это не было похоже на нежное пожатие – скорее на жесткую хватку.

– Как я уже сказал, мы очень заняты. У нас было не так много времени, чтобы обустроиться. Боюсь, мы сможем только в другой раз.

«Мы?» – подумала Алекс. Она хотела возразить, что Самира никто не приглашал, но придержала язык.

Она заглянула через плечо Самира в дом и не увидела ни коробок, ни беспорядка, ничего, что нуждалось в разборе, что делало его объяснение еще более странным.

Затем Алекс уловила в глазах Мэнди намек на что-то трудно определяемое. Извинение? Нет, не совсем. Ее тело напряглось, как будто сработала реакция «дерись или беги».

Наконец до Алекс дошло. Это был взгляд, полный страха.

– О, да, мне так жаль. Мое волнение взяло надо мной верх, – довольно категорично сказала Мэнди. – В последнее время мне не до этого... переезд, работа, понимаете? Я пообещала Самире, что мы сосредоточимся на доме, пока все не уладится окончательно. Он не был настолько заинтересован в этом переезде, как я, так что, надеюсь, вы понимаете. В другой раз?

Алекс перевела взгляд на Самира, в чьих темных глазах светилось торжество. Его рот слегка дернулся, как будто он сдерживал усмешку.

– Да, конечно, – согласилась Алекс, не зная, как еще ответить. – И не стесняйтесь заходить в любое время, когда вам понадобится... перерыв, – добавила она.

– Спасибо, – произнесла Мэнди, сцепив руки на талии, костяшки ее сплетенных пальцев побелели. – Я свяжусь с тобой, когда будет более подходящее время.

– Отлично, – присоединилась Брук, которая выдала свое

беспокойство прерывистым вздохом. – Дайте нам знать. Наслаждайтесь десертами и еще раз добро пожаловать.

Самир даже не взглянул на коробку, хотя Брук жестом пыталась привлечь его внимание к столику, на котором лежал приветственный подарок.

– Спасибо, – но в его тоне не было ни капли благодарности. Его рука не отпускала руку Мэнди. Он очень нежно притянул ее к себе. Его глаза были прикованы к Алекс, его жесткий, непреклонный взгляд прощупывал ее самым неприятным образом.

Он закрыл дверь с тихим щелчком, и ни один из них не потрудился попрощаться.

Глава 11. Летти

Я работаю на ферме Кимболлов. Это семейный бизнес, созданный еще до рождения моих родителей. Его владельцы приятные люди, не злоупотребляющие пестицидами и старательно использующие устойчивые методы ведения сельского хозяйства¹⁷, продавая в основном то, что выращивают. Я забочусь об окружающей среде, поэтому добираться на работу на велосипеде, даже в дождь. И я все еще езжу на том самом велосипеде, который мои родители купили на мой тринадцатый день рождения, – предмет гордости, поскольку я стараюсь ограничить свои запросы. Знаю, что мои попытки остановить глобальное потепление не удержат белых медведей на льду, но, полагаю, это лучше, чем ничего.

Я работаю здесь уже третье лето. Хозяева испекли торт, чтобы отметить официальное окончание моего домашнего заточения. Мило. Дома никакого празднования по случаю моего освобождения из-под родительского надзора не было; он просто закончился, когда я уехала с Джемом.

Кстати говоря, прошло уже несколько недель с тех пор, как мы с ним пытались выяснить секреты моей бывшей подруги. Я действительно получила от него обещанное сооб-

¹⁷ Способ ведения сельского хозяйства, при котором максимально эффективно используется ресурсный потенциал земель. При этом обеспечиваются экологическая безопасность и постоянное возобновление плодородия экосистемы.

щение, в котором говорилось, что Райли благополучно вернулась домой, но оно пришло только в десять часов следующего утра. Куда она отправилась и с кем, указано не было.

Я больше не уверена в своем отношении к идее мести. На самом деле я во многом не уверена. Например, кто такая Райли Томпсон? Я думала, что знаю ее и... честно говоря, была о ней невысокого мнения. Но сейчас? Она изменяет моему двоюродному брату и заслуживает расплаты. Жаль, что у меня не хватает духу выложить все карты на стол.

Однако это проблема. Мечь – единственная связь с Дже-ем, и я не хочу терять ее... терять его. Просто не знаю, как двигаться дальше.

Я решаю переключить свое внимание с мести на то, чтобы написать об этом.

Пока все, что я прочитала, говорит о том, что ветхозаветное «око за око» не принесет мне ни успокоения, ни катарсиса. Мне все больше становится непонятно, почему люди вообще делают это. Согласно личному опыту у меня возникло мимолетное чувство превосходства, за которым вскоре последовала пустота в животе, поскольку в итоге я почувствовала отвращение к себе самой. Некоторая эволюционная выгода от акта мести встроена в наш мозг, но я недостаточно углубилась в свою работу, чтобы узнать больше.

Тем не менее мне не нужна докторская степень по психологии, чтобы понять очевидное: принимающая таблетки и шляющаяся где попало Райли опасна для моего кузена.

Чтобы сообщить Дилану об этом факте, не разбивая ему сердце и не раскрывая, что мы с Джем шпионили за его девушкой, потребуется немного такта.

Дилан находился в лагере по лакроссу, но сейчас он дома. Моя цель – убедить его взять перерыв в отношениях с Райли, однако сначала мне нужно помочь последнему клиенту моей смены.

На объяснение, как пользоваться устройством для считывания кредитных карт, уходит больше времени, чем на упаковку спаржи, брокколи, черники и базилика. Я не показываю своего раздражения. Это на самом деле запутанное приспособление. Женщина отходит и опускает два доллара в банку для чаевых с надписью «На колледж». Я сердечно благодарю.

– В какую школу ты ходишь? – интересуется она.

Я объясняю, что собираюсь учиться в выпускном классе средней школы Мидоубрука. Ее следующий вопрос легко предугадать.

– Ты уже знаешь, куда хочешь поступать?

– Я надеюсь на USC, – отвечаю я. – Хочу изучать науку об окружающей среде. – Могу сказать, что она слегка удивлена. Никто не считает, что продавать продукты могут и умные дети.

– Что ж, удачи, дорогая, – говорит она и уходит.

Удача – это хорошо, но гораздо полезнее было бы помочь убедить моего чересчур принципиального отца запла-

тить немалую цену за образование моей мечты. Нам суждено столкнуться, потому что я пойду в Университет Южной Калифорнии, но это позже. Очень жаль, что мама всегда принимает сторону папы, потому что в кои-то веки мне действительно не помешала бы ее поддержка.

После окончания смены я сажусь на велосипед и возвращаюсь домой. Я добираюсь туда чуть меньше чем за пятнадцать минут. К концу поездки у меня горят ноги, потому что Мидоубрук довольно холмистый, а мой велосипед отчаянно нуждается в... что ж, в новом велосипеде. Но я не собираюсь уступать культу потребления.

Я занимаюсь домашними делами: разговариваю с папой, используя в общей сложности двадцать семь слов, которые честно передают все, что нужно сказать. В последний раз, когда у нас состоялся настоящий «разговор», я была достаточно мала и плакала из-за поцарапанного колена. Я совершенно нормальный подрастающий старшеклассник, а это значит, что ситуация, при которой я веду долгие содержательные беседы с отцом, как результат впитываю его мудрость и немедленно применяю ее к собственной жизни, возможна только в кино.

– Куда собираешься, Летти? – спрашивает папа, когда я направляюсь к кухонной двери. Я читаю в его в глазах предложение: «давай сделаем что-нибудь вместе». Бедняжка.

– К Дилану, – отвечаю я и выхожу.

Я буквально чувствую, какие сомнения раздирают моего

отца. Он задается вопросом, не упустил ли он какую-то ключевую возможность наладить более крепкую связь между нами. Я должна сказать ему, что у нас все в порядке – по крайней мере, до начала дебатов о колледже. В действительности ему следует сосредоточиться на маме, а не на мне. Он вообще видел мусорное ведро? Похоже, ее пристрастие к алкоголю становится все хуже. Раньше в дыхании моей матери не ощущалось винных паров до захода солнца.

Я нахожу Дилана на заднем дворе, он использует рикошет для лакросса, чтобы поиграть в мяч с самим собой. Вот он, только что вернувшийся из лагеря по лакроссу, все еще пытается стать сильнее, усовершенствовать свою игру. Это своего рода брачный ритуал. Чем лучше он будет выступать на поле, тем большее впечатление произведет на Райли. Бедный парень понятия не имеет, что его личная жизнь на самом деле обман.

– Привет, Ди! – окликаю я его.

Дилан поворачивается. Его лицо светлеет.

– Привет, Летти.

Он с невероятно высокой скоростью отправляет мяч в рикошет, который так же быстро возвращает его обратно. И каким-то образом тот оказывается в сетке его клюшки. Я не понимаю этот вид спорта. Если бы игроки сидели на метлах и гонялись за Золотым снитчем, тогда я была бы их фанатом.

– Есть минутка? – спрашиваю я.

– Конечно. – Он подходит, убирая с потного лица влажные

длинные волосы. От него пахнет, как от спортивного носка. – Что случилось?

– Как дела? – спрашиваю я. Понятия не имею, как облегчить переход к основной теме.

– Эм-м... хорошо.

Наступает неловкое молчание. Я подозреваю, что он сообщил о себе все что хотел. Возможно, у нас с Диланом и есть что-то общее в ДНК, но это не привело к сильной эмоциональной связи. Я смотрю на своего двоюродного брата так, как могла бы смотреть на животное в зоопарке – с долей любопытства и грусти. Что-нибудь вообще может заставить его проявить эмоции? Если у него и есть какие-то настоящие чувства, то они похоронены так глубоко в его подсознании, что я не уверена, что их смог бы выкопать экскаватор.

Если бы я могла распутать его мысли, увидеть их разложенными перед собой, подозреваю, они не сильно отличались бы от мыслей Зои: мяч, еда, сон и, в его случае, секс. Зои не придает последнему особого значения, поскольку ее стерилизовали, что, кстати, является ответственным поступком.

– Как успехи в лакроссе? – интересуюсь я, все еще пытаюсь найти нужные слова.

– Лагерь был потрясающим. Летняя лига только что стартовала.

– Райли приезжала посмотреть, как ты играешь? – Неловкий переход, но лучшего варианта нет.

– Не-а, – отвечает он, и я улавливаю в его глазах проблеск той скрытой глубины, в которой я сомневалась. Может быть, он уже знает кое-что о своей девушке и все уладится само собой без моего участия.

– Между вами все хорошо? – выпаливаю я.

Он смотрит на меня так, словно я произнесла что-то по-китайски.

– Эм-м... да, у нас все в порядке.

Дерьмо. Я еду на поезде в никуда.

– Знаешь... – пытаюсь я снова, выдерживая секундную паузу, – многие девочки в школе считают тебя симпатичным.

Он непонимающе глядит на меня. Я его не виню. Слишком сложная логическая цепочка для него.

– Да?! Круто.

Мяч встречается с рикошетом, попадает в сетку, снова встречается с рикошетом – и так далее.

– Типа, я понимаю, что вы с Райли близки и все такое, но это выпускной год, Ди. Почему бы не расправить крылья и не взлететь, не попробовать что-то новое?

Я ловлю себя на том, что машу руками, как крыльями, изображая птицу. Поверить не могу!

Дилан смотрит на меня так, словно думает, что я приняла какой-то психоделик.

Я перестаю «хлопать крыльями».

– Я просто говорю, что если захочешь познакомиться с кем-то новым, просто скажи, и я посодействую. – Я озву-

чиваю свое предложение с таким видом, словно оно пришло мне в голову только что.

В своей голове я веду совершенно другой разговор: «Дилан, я должна тебе кое-что сказать. Райли изменяет тебе с другим парнем, и еще у нее проблемы с наркотиками. Откуда я все это знаю? Эм-м... ну, видишь ли, я проследила за ней с помощью GPS-трекера и...»

Вот тут-то мои желания доброго самаритянина и суровая реальность сталкиваются, заставляя меня замолчать.

– Ладно, – неловко произносит Дилан – и это понятно. – Я дам тебе знать, если мне понадобится какая-нибудь помощь в моей личной жизни, Летти.

Он возвращается к рикошету, а я уползаю прочь, чувствуя себя совершенной идиоткой.

По дороге домой вижу, как на подъездную дорожку соседнего дома сворачивает «Мерседес». Из машины выходит Брук Бейли, выглядящая, как с обложки модного журнала. На ее загорелых оливковых руках сверкает множество браслетов. Ее грудь, кажется, находится в пяти шагах перед ней, и если бы ее бедра в этих обтягивающих джинсах еще немного покачивались, они могли бы вызвать легкий ветерок.

Брук ловит мой взгляд и вежливо машет рукой, давая мне возможность хорошенько рассмотреть ее ухоженные ногти, выкрашенные в кроваво-красный цвет.

Мы обмениваемся радостными приветствиями, но я, на самом деле, не ощущаю никакой радости. В голову приходит

мысль, что Райли – это молодая версия Брук Бейли, неоперившаяся роковая женщина.

Все знают о круизе и ее пропавшем муже Джерри, и все думают об одном и том же. Сейчас я больше всего боюсь, что однажды Райли вырастет и сделает с Диланом то, что, я почти уверена, Брук сделала со своим мужем: выбросит его за борт с круизного лайнера, и убийство сойдет ей с рук.

Глава 12

Женские посиделки начались ровно в семь часов. Сначала налили вино, хотя к тому моменту Алекс скорее не отказалась бы от чего-то покрепче. Она позаботилась о небольшом уединении. Ника не будет дома всю ночь, а Летти наверху, сидит в своей спальне в наушниках и не выйдет, пока ее не вытащат. В любом случае, ни один из них не хотел присутствовать на празднике.

Алекс редко удавалось расслабиться хоть на минуту, не говоря уже о целой ночи. Хорошо, что завтра воскресенье и она сможет восстановиться.

Зои поприветствовала каждого гостя своим фирменным лаем и нетерпеливым вилянием хвоста и в конце концов устроилась с плюшевой игрушкой на коврик в гостиной. Некоторое время женщины мило болтали, ковыряясь в сырной тарелке, приготовленной Алекс. Каждая из присутствующих внесла свой вклад, принеся с собой угощение. Уиллоу приготовила умопомрачительные закуски с беконом и голубым сыром. Эмили, верная себе, перестаралась (как она всегда делала на вечеринках), приготовив брускетту и салат «капрезе», которые тоже быстро исчезли. Суетиться на кухне было не в стиле Брук, но она не возражала потратиться на первоклассный кейтеринг – в данном случае на креветочный коктейль, поданный в причудливых хрустальных бокалах. И,

естественно, все решили отказаться от десертов, чтобы оставить больше места для алкоголя.

– Мне нужно продолжать есть, чтобы пить дальше. Я так отвыкла от алкоголя, – проговорила Эмили, готовя кувшин «маргариты», не обращаясь к рецепту.

Алекс позаботилась о том, чтобы Летти показала ей, как воспроизводить музыку через динамики Bluetooth. Вечер начался с чилл-джаза, который Алекс сочетала со своим любимым каберне. Но по мере того, как текли напитки, разговор перешел от планов на летние каникулы к глупостям, которые совершают мужчины (тема, вызвавшая больше всего смеха).

Именно Брук предложила сменить плейлист. В ответ Алекс поставила несколько композиций Eagles, и они зажигательно подпевали «Take It to the Limit», возможно, исполняя ее в четырех разных тональностях, но из-за выпитого, для неискушенного слуха Алекс, песня звучала идеально.

В конце концов Уиллоу заговорила о Мэнди.

– Я думала, что эта вечеринка устроена для нее, – проговорила она, оглядываясь по сторонам, будто Мэнди могла появиться из другой комнаты в любой момент. – Она придет?

Алекс и Брук обменялись настороженными взглядами.

– У нас произошла странная встреча с Мэнди и Самиром, – сообщила Алекс после паузы.

– В каком смысле странная? – уточнила Эмили, наливая «маргариту» в бокалы с окантовкой из соли.

– С ней как раз все было в порядке, но ее муж... – проговорила Брук с ноткой презрения в голосе.

Алекс уловила иронию в том, что Брук стала инициатором слухов об их новых соседях, учитывая, что обычно соседи сплетничали о ней. Казалось, у каждого на Олтон-роуд было собственное мнение о Брук Бейли – женщины либо опасались, что их мужья влюблены в нее, либо подозревали, что пьяное падение Джерри Бейли со смертельным исходом обошлось без толчка.

– Поведение Самира Кумара выглядело очень странно, – добавила Алекс. – Я бы сказала, оно было... вроде контролирующим.

– Вроде?! – воскликнула Брук. – Я бы сказала – очень контролирующим. Мэнди хотела прийти сегодня вечером, но он ей не позволил. Вот так вот.

Уиллоу слегка отпрянула.

– Ты уверена?

Алекс кивнула:

– Мы видели то, что видели. Она действительно казалась... напуганной.

– Он сжимал руку Мэнди так, – добавила Брук, – будто посылал ей сообщение. И еще она сказала нам, что они работают в одной больнице... и он устроился туда *после* нее. – Многозначительная пауза Брук означала, что только контролирующие люди могли бы так поступить. – Похоже, они все время вместе... и он даже не отпустил ее одну на этот ве-

чер, чтобы она могла познакомиться с новыми соседями. – Ее брови поползли вверх.

– Что ты об этом думаешь? – спросила Эмили.

Брук и Алекс обменялись еще одним многозначительным взглядом.

В конце концов Брук заговорила:

– Меня беспокоит, что Мэнди может оказаться в нездоровой ситуации – контролирующее поведение часто является признаком жестокого обращения. Я знакома с предупреждающими сигналами. То, как он разговаривал с ней, хватал за руку, придумывал отговорки, чтобы помешать ей завести новых друзей... здесь что-то не так. Я уверена в этом.

– Полагаю, что у всех отношений есть темная сторона, – вставила Уиллоу, как будто размышляла о своем собственном браке.

– Может быть, и так, – подхватила Эмили, – но мы все равно не должны спешить с выводами, не располагая всеми фактами. Иначе легко неверно истолковать события.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.